

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 884-914. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.884
Journal homepage: <http://ejournal52.com>



ARTICLES AND STATEMENTS

Stabbing Long-Shafted Pole Weapons of the Crimean Tatars and Nogais in 1440s – 1650s. (According to the Written Sources)

Leonid A. Bobrov ^{a, *}, Amet-han A. Sheykhumerov ^b, Alexey V. Salnikov ^c

^a Novosibirsk State University, Russian Federation

^b Taurida Academy in V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

^c Armavir Socio-Psychological Institute, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the materials of European, Russian, Ottoman and Crimean-Tatar written sources of 15th – mid-17th centuries containing information about spears and javelins of Crimean Tatars and Nogai. In the texts written in Latin language this weapon is referred as "hasta", in English – as "lance" or "horseman's staff", in Italian – as "lanza", in Russian – as "kopye" i.e. spear, etc. The term "kopie" is usually used in the works of Polish authors of 16 – first half of 17th centuries as well, as later the Kalmyk term "dzid" is.

It is known that the Crimean Tatars used various types of stabbing long-shafted pole weapons for close and distant combat. There are no descriptions of Tatar spears in the most part of written sources. Only Giles Fletcher draws the attention of readers to the similarity of Tatar spears (horseman's staff) with the bear spear "with which they hunt bears". Thus, some Tatar spears could have a wide-bladed spearheads. Important changes in the warfare of the East European nomads occurred in 15-16th centuries due to various reasons – military and political as well as economic ones. Comparing to the warfare of the Golden Horde of 14th century, the importance of mounted armored spearmen significantly decreased in the warfare of the Crimean Khanate of 16th century. So many contemporary authors did not consider it necessary to include spears in the list of the main weapons of Crimean Tatars (Paolo Giovio, Marcin Bielski, Andrzej Taranowski etc.), and some of them even directly denied that Turkic nomads of the region possessed the spears (Siegfried Freiherr von Herberstein, Michalon Lituanus, Blaise de Vigenère). Although spears were still in use by Tatars throughout the whole period mentioned, they were not used widely (in some periods one might say even insignificantly). In general, the stabbing long-shafted pole weapons were significantly inferior in popularity to bows, sabers and, possibly, crushing weapons (maces, clubs, basalyk, «maslak» etc.).

The most part of spearmen in the troops of the Crimean Khanate of 16th century consisted of wealthy Tatar warriors and some militiamen. There is no information regarding the special detachments of spearmen in the Crimean-Tatar troops. Even now there is no reason to consider not numerous spearmen to be the significant factor of the hit-and-run tactics of the Crimean-Tatar cavalry of 16th century which used bows and sabers. Spears became more important in Tatar armies in the first half of 17th century by some degree but they still were not spread widely so they were not noted by many contemporaries again. Tatar-Nogai spearmen attracted some attention of contemporaries in the Battles of Berestechko (1651) and Warsaw (1656), but in the battle of Konotop (1659) they were practically invisible.

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), amet.sheykhumerov@mail.ru (A.A. Sheykhumerov), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

Important changes in the weaponry of the Crimean Khanate started in the early 1660s. Judging from the materials of written sources, Tatars started to adopt spears en masse as the result of centralized state policy as it was necessary to withstand the Kalmyk (Oirat) cavalry, whose warriors used stabbing long-shafted pole weapons widely.

Keywords: Crimean Tatars, Nogai, weapons of the Crimean Tatars, long-arms weapons, Tatar spears.

1. Введение

Колочее длиннодревковое оружие, предназначенное для ближнего и (или) дистанционного боя, относится к числу древнейших видов оружия оседло-земледельческого и кочевого населения Евразии (Горелик, 1993: 61–64, 282–293). Метательные копья (дротики) широко применялись легкой конницей номадов еще в эпоху Древности. Несколько иначе обстояло дело с ударными копьями и пиками, предназначенными для ведения ближнего боя в конном строю.

При поверхностном взгляде может показаться, что копья и пики (как массовый вид оружия) присутствовали в арсенале номадов всегда. Однако детальное знакомство с источниками наглядно демонстрирует, что эволюция длиннодревкового оружия кочевников Великой степи была достаточно сложным и противоречивым процессом. Времена расцвета «копейного боя» сменялись периодами упадка этого воинского искусства и сокращением числа копейщиков в войсках номадов. Все эти изменения были тесно связаны с особенностями эволюции других видов оружия дистанционного и ближнего боя, защитного вооружения, военной организации, тактики ведения сражения и т.д. Так, например, в комплексе вооружения хуннов III в. до н.э. – II в. н.э., отдававших приоритет лучной перестрелке на дальней дистанции, копья не играли сколько-нибудь существенной роли. Рост популярности ударных копий пришелся на Сяньбийскую эпоху и достиг пика в период существования Тюркских каганатов, когда номады Центральной Азии и Южной Сибири массово освоили тяжелый ламеллярный доспех для всадника и его боевого коня, новый тип твердого седла и стремена. Это, в свою очередь, привело к изменению тактики ведения боя, в которой большую роль начала играть атака копейной тяжеловооруженной конницы, наносившей удар по противнику под прикрытием масс конных лучников (Худяков, 1986: 156–163, 166–169; Горбунов, 2003: 95–98; Горбунов, 2006: 46–56, 95–97; Горбунов, 2013: 396–415; Бобров, 2017: 85–96). В IX–XII вв. в силу различных причин популярность длиннодревкового оружия и копейного боя в армиях кочевников некоторых районов Великой степи начала постепенно снижаться. Место тяжеловооруженных копейщиков, действующих в плотном строю, начали постепенно занимать воины, вооруженные саадаками и саблями, одетые в более легкие и подвижные панцири, сидящие на непокрытых броней конях и эффективно использующие разреженные построения (Худяков, 1986: 190–196, 203, 204, 219–222; Кочкаров, 2008: 61, 62, 86–89; Бобров, Кушкumbaев, 2018). В монгольских войсках эпохи Великих завоеваний XIII в. копья и пики также имели ограниченное распространение и, согласно сообщениям китайских современников, уступали по популярности длинноклинковому оружию (Золотая Орда..., 2009: 61, 62). В XIV–XVI вв. на большей части степной территории бывшей Монгольской империи копья и пики продолжали оставаться в основном оружием отборных панцирных воинов, в то время как легковооруженные кочевники использовали их лишь эпизодически (Бобров, 2013: 244; Бобров, 2016: 221–238).

Определенным своеобразием отличалась эволюция колющего длиннодревкового оружия и копейного боя тюркских кочевников западной части Великой степи эпохи позднего Средневековья и Нового времени. Отдельные аспекты данной темы были рассмотрены ранее С.В. Дмитриевым, В.В. Пенским и одним из авторов настоящей статьи в рамках работ, посвященных военной организации и тактике номадов региона, соответственно (Дмитриев, 2003: 215; Пенской, 2010: 59, 60, 62, 63; Бобров, 2016: 221–235). Однако проблема эволюции колющего длиннодревкового оружия и копейного боя крымских татар и ногаев XV–XVIII вв. еще не становилась объектом специального научного исследования. Целью настоящей статьи является уточнение роли колющего длиннодревкового оружия в оружейном комплексе крымских татар и ногаев 1440–1650-х гг., а также определение места копейного боя в военной практике тюркских номадов Восточной Европы указанного исторического периода.

Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена формированием Крымского ханства (1441–1783) и началом становления его вооруженных сил. Верхняя граница, локализована военными преобразованиями 60-х гг. XVII в., оказавшими значительное влияние на эволюцию длиннодревкового оружия и копейного боя тюркских номадов Восточной Европы (Бобров, 2016: 279–281).

2. Материалы и методы

Главным методологическим основанием научных исследований по изучению вооружения народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу отдельные элементы и комплексы вооружения изучаются как обособленное и развивающееся целое, состоящее из

согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружиеведческих работах традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников (Бобров, 2011: 6–8).

К сожалению, работа по систематизации и типологическому анализу вещественных материалов по длиннодревковому оружию крымских татар и ногаев рассматриваемого исторического периода еще не завершена. По данной причине основой источниковой базы настоящего исследования являются письменные материалы. Последние представлены сообщениями татарских, русских, османских, польских, литовских, германских, английских, французских, итальянских дипломатов, путешественников, торговцев и военных XV–середины XVII вв.

Необходимо отметить, что некоторые из авторов интересующих нас сообщений (П. Тайфур, М. Литвин, М. Броневский, Д. Лукка, Э. Челеби и др.) лично посещали Крым. М. Литвин и А. Тарановский наблюдали внешний вид татарских войск, выступавших в поход или, напротив, возвращавшихся из военной экспедиции. М. Броневский уточнял собственные впечатления о крымской армии, беседуя со «многими достойными веры христианами, которые часто следовали за ханом в его походах, а также ... пленными и нашими дворянами, нередко видевшими его войска» (Броневский, 1867: 364, 365). Г.Л. Боплан долгое время служил на Украине, будучи офицером польской армии, имел возможность детально ознакомиться с военным делом татар в ходе бесед со своими сослуживцами. Османский путешественник Эвлия Челеби сопровождал армию крымского хана во время похода. Англичане Т. Бэннистер, Д. Дэккет, Д. Смит, литовский князь Б. Радзивилл, а также некоторые польские авторы лично участвовали в боевых столкновениях с ногаями и татарами. Что касается С. Герберштейна, Д. Флетчера, Ж. Маржерета, П. Петрея, то они, хотя и не видели крымских татар в ходе военных действий, но, по всей видимости, подробно расспрашивали о них своих русских и польских информаторов, что позволило им собрать и систематизировать весьма ценные сведения о вооружении и тактике кочевников (Герберштейн, 2007: 34, 267; Московское государство..., 2000: 85).

Тем не менее, несмотря на высокую значимость указанных материалов, их научная ценность далеко не равнозначна, а сообщаемые сведения требуют внимательного и всестороннего критического анализа. В данной связи особый интерес для нашей темы представляют материалы служебной документации, фиксирующие виды ранений, полученных русскими, литовскими и польскими воинами в столкновениях с татарами и ногаями.

Также отметим, что опубликованные русские переводы XIX–начала XXI вв. далеко не всегда точно передают содержание латинских, английских, немецких, итальянских, французских текстов позднего Средневековья и раннего Нового времени. Многие важные нюансы, связанные с особенностями конструкции оружия, доспехов и их применения, присутствующие в изначальном тексте, в силу различных причин игнорировались или неверно интерпретировались переводчиками. По данной причине мы, по возможности, старались сличать имеющиеся русские переводы с оригинальными европейскими изданиями XVI–XVII вв. Подобный подход позволил уточнить многие вопросы, связанные с вооружением крымских татар и ногаев интересующего нас периода. Авторы настоящей работы выражают благодарность А.Ю. Борисенко, О.И. Холиной, Д.Б. Шахназарян за содействие в переводе рассмотренных в настоящей статье европейских письменных источников XVI–XVII вв.

В исследованиях военно-исторического характера сведения, полученные при анализе письменных источников, по возможности дополняются и уточняются с помощью изобразительных и вещественных материалов.

Изобразительные источники по теме исследования представлены османскими и европейскими материалами XVI – середины XVII вв. (книжные миниатюры, гравюры, картины, барельефы и др.). К сожалению, объем статьи не позволяет проанализировать письменные и изобразительные источники в рамках одной публикации. По данной причине изображения татарских и ногайских копейщиков будут рассмотрены нами в отдельной работе.

Для обозначения различных видов и типов длиннодревкового оружия, а также их элементов в данной статье применяются термины, используемые в современном отечественном оружиеведении.

Под колющим длиннодревковым оружием мы понимаем особый вид оружия дистанционного и ближнего боя, предназначенный, в первую очередь, для нанесения колющих ударов и уколов на дистанции, превышающей дальность действия клинкового (рубящего, рубяще-режущего, колющего и др.) и древкового (ударно-рубящего, ударно-дробящего) оружия. Классический вариант колющего длиннодревкового оружия состоит из наконечника с одним прямым пером (поражающая часть) и

древка (несущая часть).¹ Главными элементами втульчатого наконечника является боевой проникающий перо и втулка, с помощью которой наконечник насаживается на древко. Место соединения пера и втулки традиционно именуется «шейкой». Последняя могла снабжаться специальным утолщением – «яблоком», как правило, округлой формы. Выпуклое «яблоко» усиливало «шейку» наконечника и одновременно играло роль ограничителя, не позволявшего перу погружаться в тело противника слишком глубоко, что затруднило бы его последующее извлечение в ходе динамичного конного боя.

На основании размеров, пропорций и системы оформления наконечника из общего массива колющего длиннодревкового оружия ближнего боя археологами, военными историками и оружейниками традиционно выделяются пики, копья и рогатины. Отличительной особенностью пики являлось длинное и узкое, в большинстве случаев граненое, перо. При этом ширина боевого проникающего пики была, как правило, меньше или равна диаметру ее втулки. Рогатины снабжались массивным наконечником с широким уплощенным или граненым пером листовидной формы и втулкой большого диаметра. Ширина пера рогатины обычно превышала диаметр втулки ее наконечника. Что касается копий, то они по своим размерам и пропорциям занимали промежуточное положение между пиками и рогатинами.

Особой разновидностью длиннодревкового оружия являются дротики – легкие копья, предназначенные преимущественно для метания в противника. Их отличительными особенностями является более короткое (по сравнению с копьями и пиками), а также (часто) более тонкое древко и наконечник с пером небольшого размера.

3. Обсуждение и результаты

Прежде чем перейти к анализу данных 40-х гг. XV – 50-х гг. XVII вв., кратко остановимся на колющем длиннодревковом оружии кочевников Восточной Европы предшествующего исторического периода.

В военном деле кочевых народов, проживавших на территории западной части Улуса Джучи в XIV в., длиннодревковое оружие (как метательное, так и предназначенное для ближнего боя) играло весьма заметную роль, хотя и уступало по популярности длинноклинковому оружию и саадакам. Копья и дротики татар неоднократно упомянуты в русских, европейских и азиатских письменных источниках. Так, например, согласно русскому летописцу, золотоордынцы использовали длиннодревковое оружие в битве на р. Воже в 1378 г. Символом поражения войск Бегича по итогам рукопашной схватки стали именно брошенные копья: «Татарове переяхаша на сю сторону и удариша в кони свои и скочиша вборзе, и нюкнуша гласы своими и поидоша на грунах, и тъкнуша на наших, и удари на них с одну сторону Тимофеи околничѣи, а с другою сторону князь Данилеи Пронскы, а князь великий удари в лице. Татарове же в том часе *повергоша копия своя* (здесь и далее курсив наш – Авт.) и побегоша...» (Селиверстов, 2015: 263). Золотоордынские воины, вооруженные копьями и дротиками, неоднократно упоминаются мусульманскими историками Западной и Средней Азии конца XIV – первой трети XV вв. Шихабеддин Ахмед ибн Мухаммед (Ибн Арабшах), характеризуя воинов хана Тохтамыша, описывает их, как «...вооруженных мечами и стрелами, надвигающихся и отступающих, отражающих и поражающих острым мечом и *копьем*» (Золотая Орда..., 2003: 209). О применении золотоордынцами колющего длиннодревкового оружия (в том числе метательного) сообщают и тимуридские историографы Шараф ад-Дин Али Йазди и Низам-ад-дин Шами. Так, например, во время Кондурчинской битвы 1391 г. отборные всадники Тохтамыша («большое число эмиров и храбрецов», «...всех, у кого было имя и честь») атаковали отряды сулдузов «мечами и «метательными копьями». «Храбрецы» Тохтамыша иступленно, «ни на что не обращая внимания и обрекая себя на смерть, не отступали, а раз за разом, с мечами и *метательными копьями*, повторяли свои атаки»; «[Тохтамыш] пошел на Шейх-Тимур-бахадур и тысячи сулдузские и в сопровождении большого числа эмиров и храбрецов своего войска вступил в бой. Сколько Шейх-Тимур-бахадур и его туман не осыпали противника стрелами, но те самоотверженно, ни на что не обращая внимания и обрекая себя на смерть, не отступали, а раз за разом, с мечами и *метательными копьями*, повторяли свои атаки, наконец, одержали верх, умертвили много людей сулдузских, прошли через середину их...» (Золотая Орда..., 2003: 299, 349, 371). Схожим образом татарские всадники действовали и во время сражения у р. Терек в 1395 г. Во время повторяющихся атак на спешенных воинов корпуса Ходжи Сейф ад-Дина они «...делали нападения *копьями*, мечами и *метательными копьями*» (Золотая Орда, 2003: 355, 356; Йазди, 2008: 197). О «блистающем» длиннодревковом оружии отборных золотоордынских всадников писал и Абд-ар-раззак Самарканди. В битве Каджулай-бахадур с эмиром Едигеем воины последнего атаковали противника «сверкающими мечами и *блистающими копьями*» (Золотая Орда, 2003: 376) и т.д.

Сведения письменных источников подтверждаются вещественными и изобразительными материалами. Так, в частности, подлинные образцы наконечников копий, пик и дротиков

¹ Необходимо отметить, что наряду с классическими образцами длиннодревкового оружия кочевниками Великой степи на протяжении рассматриваемого периода применялись и заостренные цельнодеревянные пики.

золотоордынского времени обнаружены в археологических памятниках Волжско-Уральского региона, Поволжья, Предкавказья и др. (Кочкаров, 2008: 45–62, 89; Чхаидзе, Дружинина, 2014: 173; Харламов, 2015: 580–584; Сальников, 2015: 49–52). Многочисленные «татарские воины» с дротиками и копьями изображены на миниатюрах «Hedwigs-codex» (1353 г.), иллюстрирующих различные эпизоды битвы под Легницей (Рис. 1).



Рис. 1. Фрагменты миниатюр из «Hedwigs-codex», изображающих легковооруженных и панцирных татарских воинов с дротиками и копьями, 1353 г.

Известные письменные и изобразительные материалы позволяют предположить, что метательные копья (дротики) в золотоордынских войсках XIV в. могли применять как конные панцирники, так и легковооруженные воины. При этом длиннодревковое оружие, предназначенное для ведения ближнего боя, использовалось преимущественно одоспешными всадниками (Рис. 1; 2). Среди легковооруженных кочевников Улуса Джучи копья и пики имели ограниченное распространение.



Рис. 2. Татарские панцирники с длиннодревковым оружием. «Hedwigs-codex», 1353 г.

Масштабный военно-политический и экономический кризис XV в., вызванный разрушительными вторжениями Амира Тимура, ожесточенными междоусобными войнами, распадом Золотой Орды на несколько враждующих между собой ханств, разрывом традиционных торговых связей, привел к ухудшению оснащения войск кочевников Восточной Европы оружием и доспехами, что стало одной из важных причин снижения роли панцирной конницы и связанного с ней ближнего копейного боя (Бобров, 2016: 233). Другим фактором, оказавшим значительное влияние на дальнейшую эволюцию военного искусства тюркских номадов Восточной Европы, стало стремительное развитие огнестрельного оружия и изменение геополитической ситуации в регионе. Наступающая эпоха «пороховой революции» в значительной степени преобразила традиционные оружейные комплексы и привычные схемы ведения боя народов Евразии и резко усилила военный потенциал оседло-земледельческих государств. Преодолевая сопротивление феодальной оппозиции, правители Восточной Европы проводили последовательные военные преобразования, дополняя и усиливая кавалерийские отряды подразделениями огнестрельной пехоты и полевой артиллерии. Менялась и сама конница: ее численность возрастала, вооружение, снаряжение, а также тактика в значительной степени «ориентализировались», приспосабливаясь к маневренной войне на степной сцене боевых действий. Многочисленная, подвижная и при этом хорошо вооруженная московская, литовская и польская кавалерия становилась для кочевников все более и более опасным противником. Чтобы сохранить конкурентоспособность, военное искусство тюркских номадов должно было также трансформироваться, приспособиться к меняющимся военно-политическим реалиям региона (Бобров, 2016: 234–238, 346–348). В этих новых условиях необходимость наличия в войсках кочевников массовой панцирной копейной конницы была отнюдь не очевидна. Данные факторы следует учитывать при оценке специфики развития длиннодревкового оружия и искусства копейного боя населения Крымского ханства, а также Большой и Малой Ногайской орды рассматриваемого исторического периода.

Приступая к изучению интересующей нас темы, нельзя обойти вниманием такой важный вопрос, как источники поступления вооружения в войска номадов Восточной Европы и Волго-Уральского междуречья периода позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Задача обеспечения крымско-татарских войск оружием дистанционного и ближнего боя, а также доспехами в XV – середине XVII вв. решалась за счет комплексного подхода, в рамках которого продукция местного производства дополнялась массовым импортом. Часть вооружения (в первую очередь, саадный набор – луки, стрелы, налучи, колчаны и др.) изготовлялась

непосредственно на территории Крыма, другая ввозилась на полуостров и причерноморские степи извне. Основными поставщиками вооружения в Крым на протяжении указанного периода являлась Османская Турция и народы Северного Кавказа. Некоторое количество оружия и доспехов также поступало из Ирана и других стран (Smit, 1884: 864; Бобров, 2016: 222; 284, 285; Сальников, 2014: 70–72). Итальянский ученый Павел Иовий (1483–1552), описавший вооружение татар первой трети XVI в., на основе данных русского информатора Дмитрия Герасимова, отмечал, что защитное вооружение и сабли закупались татарами в Персии: «...врага отражают они, полагаясь на одни только стрелы. Впрочем, всякий раз как они решают, что им следует сделать набег на Европу, их государи покупают в наше время у Персов железные шлемы, брони и сабли (*gladius falcatos*)» (Барон Сигизмунд..., 1908: 259). В русской дипломатической документации второй половины XVI в. содержатся сведения о присылке в Крым вооружения из Османской Турции. Так, например, 1 мая 1569 г. были получены данные о том, что «приехали деи от Турского ко царю Маамет-чауш з грамотою. А привез деи от Турского ко царю тридцать тысяч золотых да тысячу кафтанов да тысячу сапогов да тысячу сабель да триста портиц бархатов и камок и отласовзолотных на тегиллях» (Посольская книга..., 2016: 228).¹ Позднее, 21 мая 1569 стало известно, что «приехал деи от Турского ко царю чеуш Костров з грамотою. А привез деи от Турского ко царю...семдесят доспехов да семдесят шоломов...» (Посольская книга..., 230). Качественные луки «турецкой работы», находившиеся на вооружении крымцев, упоминает польский дипломат Мартин Броневский (Broniowski, 1595: 23). О присылке татарам османского оружия (в том числе огнестрельного) неоднократно сообщается и в других письменных материалах интересующего нас периода (Бобров, 2016: 284, 285). Во время конфликтов с османами крымцы пытались закупать ружейные боеприпасы у подданных Речи Посполитой (Бобров, 2016: 284, 285).

Важным источником поступления иностранного оружия и доспехов в войска Крымского ханства были также военные трофеи, добываемые в ходе набегов на территорию Литвы, Польши, Московии, Венгрии, Ирана, Северного Кавказа и др. (Броневский, 1867: 364–367; Кырымлы, 1998: 42; Бобров, 2016: 222; Сальников 2015: 39–44). До нашего времени дошло значительное количество подлинных образцов наступательного и защитного вооружения крымских татар периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Многие из них могут быть атрибутированы, как изделия мастеров Северного Кавказа, Ирана, Османской Турции, Польши и других стран (Бобров, Сальников, 2016: 323–334; Бобров, Сальников, 2018: 16–20).

Что касается ногаев², то они традиционно покупали вооружение у своих ближних и дальних оседлых соседей – народов Северного Кавказа, Поволжья, Средней Азии и др. Так, например, автор книги «О двух Сарматиях» (1517 г.) Матвей Меховский (1457–1523) сообщает, что в начале XVI в. «заволжские татары... приобретали оружие» у «пятигорских чиркасов» (*Pietihorscij czyrkaszy*).³ К середине 30-х гг. XVI в. относится свидетельство о том, что правитель Бухары запретил ногайским купцам, прибывшим в город вместе с посланниками Сейид-Ахмеда, покупать у местных ремесленников «ни луков, ни сабель и всякого железа» (Зайцев, 2004: 123, 124). Можно полагать, что другие визиты ногайских торговцев в Мавераннахр могли завершаться более успешно. Весьма вероятно, что еще одним поставщиком вооружений в «Орду самовольную» была Астрахань. В начале XVI в. «тугие луки» и «стрелы из белой березы», привезенные из «Хаджжи-Тархана», были хорошо известны за пределами Поволжья и экспортировались не только в Восточный Дашт-и Кипчак, но даже в далекий Сыгнак (История Казахстана..., 2007: 171). Через некоторое время после установления российского контроля над Астраханью новые власти внедрили практику передачи вооружения лояльным ногаем во временное пользование для защиты от нападений калмыков (Бобров, 2016: 223). Кроме того, ногайская знать неоднократно обращалась с просьбой о присылке оружия и доспехов непосредственно к правителям Московского государства и нередко получала запрашиваемое (Зайцев, 2010: 126, 127).

Среди предметов вооружения, изготавливаемых самими крымскими татарами, в большинстве случаев упоминаются луки, стрелы, а также саадчая амуниция. Среди предметов импорта встречаются сабли, шлемы, панцири, огнестрельное оружие и др. Что касается сообщений о производстве колющего длиннодревкового оружия в Крыму, впрочем, как и свидетельств о его

¹ Ранее были получены сведения об обращении крымского хана в Кафу с требованием «...прислати 1000 тегилляев, да три тысячи кафтанов, да три тысячи сапогов – давати крымским татаром от Турского жалованье» (Посольская книга..., 2016: 225).

² Которые, по данным В.В. Трепавлова «...видимо, абсолютно не знали металлургии» (Трепавлов, 2013: 157)

³ «К югу, по направлению к Каспийскому морю лежат горы Иберии и Альбании, которые у русских называются по имени народа Пятигорские Чиркасы (*Pietihorscij czyrkaszy*), то есть приблизительно Чиркасы пяти гор (*Quinquemontani*). Среди этих же гор зовут газарские племена... Газары и до сих пор следуют греческой вере и обрядности. Это – воинственные люди, имеющие связи по всей Азии и в Египте; у них заволжские татары приобретают оружие. В наше время греки называют эти племена абгарцы и абгазели. По соседству с ними находятся племена черкесов (*Circassi*) и менгреллов (*Mengrelli*)» (Меховский, 1936: 62, 63).

ввозе на территорию ханства, то подобные сведения в письменных источниках XV – первой половины XVII вв. встречаются крайне редко. К числу немногочисленных исключений относится, например, сообщение англичанина Джона Смита, побывавшего в татарском и османском плену в начале XVII в. При описании вооружения крымцев Смит, между прочим, сообщает: «Обычный татарский воин редко может похвастаться панцирем, а чтобы изготовить копье, он прикрепляет на конец *жерди*¹ острый металлический наконечник» (Калашников, 2013: 28).²

Из письменных материалов 60–70-х гг. XVII в. известно, что в случае необходимости копья могли массово заказываться и закупаться у оружейников Северо-Западного Кавказа, ввозиться с территории Турции, а также изготавливаться непосредственно на территории Крыма, в частности во владениях Перекопского бея (Бобров, 2016: 280; Wagner, 2012: 72). Есть основания полагать, что и в более ранний период колющее длиннодревковое оружие в татарские войска могло поступать из тех же источников, пусть и в значительно меньших объемах. Кроме того, некоторое количество железных наконечников копий, пик, рогатин и дротиков, возможно, изготавливалось ремесленниками городских центров полуострова.

Применительно к теме данного исследования письменные материалы о вооружении и военном деле крымских татар и ногаев можно разделить на три основные группы. К первой – относятся письменные свидетельства, прямо или косвенно подтверждающие факты применения воинами Крыма 40-х гг. XV в. – 50-х гг. XVII в. колющего длиннодревкового оружия. Ко второй группе отнесены сообщения авторов, описывающих военное искусство тюркских кочевников Восточной Европы рассматриваемого периода, но при этом в силу различных причин не упоминающих среди прочих предметов вооружения копья, пики, рогатины и дротики. Наконец, в составе третьей группы локализованы сообщения современников, которые прямо отрицали сколько-нибудь широкое распространение среди крымских татар и ногаев длиннодревкового оружия и искусства конного копейного боя. Рассмотрим письменные источники по теме исследования более подробно.

Наиболее ранние сведения о применении татарскими воинами в Крыму длиннодревкового оружия относятся к первой половине XV в. В ходе сражения при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 г. генуэзская армия, состоявшая из отрядов, прибывших из Италии и набранных среди жителей Кафы, была разгромлена войсками татар. Согласно документу неизвестного автора (современника, а возможно, и участника описываемых событий)³, после битвы среди выживших генуэзцев «очень мало было таких, которые не получили менее трех ран, кто от стрел (*riu*), кто от сабли (*freze*), *кто от копья (lanza)*» (Колли, 1913: 114, 115; Селиверстов, 2011: 196). Таким образом, некоторая часть татар в Солхатском сражении могла использовать длиннодревковое оружие. Однако решающую роль в победе крымцев сыграли отнюдь не копьеносцы, а фактор внезапности, беспечность генуэзских войск, а также эффективные действия мобильной татарской конницы, использующей луки, а при преследовании – длинноклинковое оружие (Колли, 1913: 114, 115; Селиверстов, 2011: 196). Характерно в данной связи, что раны, нанесенные генуэзцам татарскими копьями, упомянуты в документе после ранений, нанесенных стрелами и саблями.

О том, что некоторые отборные крымско-татарские воины конца XV в. сохранили навыки обращения с длиннодревковым оружием, свидетельствуют материалы посольства хана Менгли Гирея (1467, 1469–1475, 1478–1515) к великому князю Московскому Ивану III (1462–1505). В ходе приема 9 января 1493 г. татарские послы передали письмо крымского правителя, в котором Менгли Гирей, помимо прочего, просил московского «брата» оказать содействие в освобождении сына своего «богатыря», попавшего в плен к мещерским казакам. Сам «богатырь» характеризовался Менгли Гиреем, как выдающийся воин «к сабле и к копыю пригожей», то есть обученный искусству сабельного и копейного боя: «Мегли-Гиреево слово. Великому князю Ивану, брату моему, поклон. И к сабле и к копыю пригожей, Темер-шейком зовут, Багатыря моего, Хазы Марданем зовут, сын его в Орду ездил да Мещерским казаком попал к тебе, с сем ярлыком поехал с Мерет-шейком зовут паробком, как опытав доискавшись прислал» (Памятники..., 1884: 174, 175).

О наличии в крымских войсках начала XVI в. колющего длиннодревкового оружия свидетельствуют и некоторые косвенные данные. Так, например, в сообщении «Хроники Быховца» о битве под Клецком в 1506 г. указано, что после сражения «татары ... захватили писаря пана Заберезинского Коптя и, отрубив ему голову, ругаясь, *носили на копье*» (Хроника Быховца, 1966: 123).

В битве под Судбищами (1555 г.), в которой отборная московская конница сошлась в бою с войсками крымского хана, воевода Степан Сидоров был ранен копьем: «Стефана тут в засеке ранили из затинной пищали по колену, а на бою его копием ранили» (Полное собрание..., 1904: 258).

Редкое для XVI в. свидетельство о применении длиннодревкового оружия ногаями датируется 1568 г. В этом году в окрестностях Астрахани нападению кочевников подвергся англо-русский отряд

¹ В тексте Д. Смита – «*pole unshaven*», то есть необтесанное древко (Smit, 1884: 864).

² Оригинальный английский текст: «...the ordinary sort have little armor, some a plaine young pole unshaven, headed with a peece of iron for a lance» (Smit, 1884: 864).

³ В современной историографии упомянутый текст, повествующий о походе 1434 г., именуется «документом Гатари», по имени падуанского хрониста XV в., в дневнике которого он был обнаружен (Селиверстов, 2011: 183).

(около 40 чел.), в составе которого находились агенты «Московской компании» Томас Бэннистер и Джефри Джек. Вооруженные луками, саблями и копьями ногаи атаковали торговый караван с помощью настоящей речной «флотилии», состоявшей из 18 лодок. Решающую роль в победе над нападающими, согласно сообщению англичан, сыграло умелое обращение их спутников с огнестрельным оружием: «...когда они были в 40 милях от Астрахани, случилось, что на них напали ногайские татары на 18 лодках, вооруженные кто мечами, кто *копьями*, иные луками и стрелами: их общее число достигало, по оценке наших, до 300 человек.... Завязалась страшно жестокая битва, жарко продолжавшаяся в течение двух часов, во время которой наши люди так хорошо поиграли своими мушкетами, что заставили татар обратиться в бегство с потерей 120 человек...» ([Английские путешественники..., 1937: 250](#)).

Значительный интерес для темы нашего исследования представляет описание вооружения татар, выполненное польским дипломатом Мартином Броневским, посетившем Крым в 1578 г.: «татары употребляют на войне оружие, известное с древнейших времен, именно: *копье*, кривую и длинную татарскую саблю, турецкий кинжал или персидский, короткий и широкий из отличного железа, или дорогой турецкой работы; длинные и быстрые стрелы, колчан, *а иногда короткое копье*. Они надевают также панцыри, шлемы и вообще вооружение персидское или московское, доставшееся им в добычу... Очень многие в татарском войске вовсе не имеют оружия и не употребляют для боевой службы» ([Броневский, 1867: 364–367](#)).

Данный текст как будто бы свидетельствует в пользу достаточно широкого применения состоятельными крымско-татарскими воинами¹ второй половины XVI в. колющего длиннодревкового оружия, в том числе как классических копий (которые упомянуты первыми в списке вооружения), так и их «коротких» аналогов. Однако сопоставление русского перевода 1867 г. с оригинальным латинским текстом книги М. Броневского (1595 г.), показало, что перевод XIX в. требует определенных уточнений. Так, в частности, первым в списке татарского вооружения посланник Речи Посполитой упоминает не абстрактное копье, а «фрамею» (*framea*). Если во времена Тацита под этим термином, действительно, понимали легкое копье, то в период позднего Средневековья его стали все чаще применять в качестве синонима слова «сабля».² В данной связи весьма вероятно, что в первой фразе приведенной цитаты говорится не о копье-«фрамее», а о «фрамее»-сабле. Кроме того, в издании 1595 г. отсутствует упоминание о кинжале (*puçione*), который неожиданно появляется в русском переводе 1867 г. В свою очередь, описание татарских луков по неясной причине было проигнорировано уже российским переводчиком.

Интересующий нас фрагмент книги М. Броневского может быть переведен следующим образом: «старинное (древнейшее) оружие сабля (*framea*), или (иначе) татарский удлинённый изогнутый качественный стальной меч (*gladio*) турецкой или персидской хорошей работы³; повсеместно распространен татарский качественный мощный широкий лук (*arcu*), нередко турецкой работы; убийственные длинные стрелы (*sagitta longa*), колчан (*pharetra*) *и иногда короткое копье* (*nonnunquam hasta*), этим татары пользуются традиционно с давних времен. [Используют] воинскую одежду (*Loricati*)⁴, шлемы (*galeati*) и оружие (*armis*), персидское или московское, ставшее богатой добычей в конфликтах с христианами.... Большинство (множество) людей в армии татар полностью безоружны и ведут с собой на войну большое число лошадей...» ([Broniouii, 1595: 23](#)).⁵

К сожалению, не очень понятно, что М. Броневский подразумевал под термином «короткое копье», которое «иногда» могло применяться татарами (*nonnunquam hasta*). Под ним может скрываться как собственно ударное копье на коротком (по сравнению с польскими аналогами) древке, так и легкое колющее оружие, предназначенное в том числе для метания. Однако в любом случае данные М. Броневского отнюдь не указывают на широкое распространение колющего длиннодревкового оружия в крымско-татарских войсках второй половины XVI в., как иногда полагают.

Не менее показательны данные о вооружении воинов Крымского ханства, собранные английским посланником Джайлсом Флетчером, посетившим Русское государство в 1588–1589 гг.: «они [татары]... все выезжают на конях и не имеют при себе ничего, кроме лука, колчана со стрелами и кривой сабли на манер турецкой. Они отличные наездники и так же хорошо стреляют назад, как и вперед. *Некоторые, кроме другого оружия, берут с собой пики* (*horseman's staff*), *похожие на*

¹ Ранее мы уже отмечали, что М. Броневским перечислено вооружение именно зажиточных знатных татар. В противном случае пришлось бы предположить, что «дорогими» османскими и иранскими клинками «из отличного железа», а также трофейными доспехами были массово оснащены рядовые татарские ополченцы, что представляется невероятным и противоречит всем другим известным письменным и изобразительным материалам ([Бобров, 2016: 227](#)).

² См., например, латинское и немецкое издание книги С. Герберштейна 1556 и 1557 гг. соответственно ([Herberstein, 1556: 89; Herberstein, 1557: 99](#)).

³ Дословно «...из обширных мест (краев) турецких или персидских».

⁴ В данном контексте «*Loricati*», вероятно, может обозначать «броню», «корпусный доспех».

⁵ Перевод О.И. Холиной. Авторы выражают благодарность к.с.н. О.И. Холиной за содействие в переводе указанного латинского текста.

рогатины, с которыми ходят на медведей. Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды, т.е. черной бараньей шкуры, надеваемой днем шерстью вверх, а ночью шерстью вниз, и такой же шапки. Но мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде, и в вооружении... Главное занятие их состоит в стрельбе, к которой они приучают детей с малолетства, не давая им есть до тех пор, пока не попадут в цель, намеченную на каком-нибудь обручке... Эта крепость [Гуляй-город] представляет стреляющим хорошую защиту против неприятеля, особенно против татар, которые не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел» (Флетчер, 1991: 91, 109, 110). Упомянутые Флетчером кавалерийские копыя (horseman's staff) являлись оружием легкой английской кавалерии и могли достигать в длину более 3,5 м. Что касается сравнения татарских копий с рогатинами, «с которыми ходят на медведей», то, возможно, основанием для подобного сравнения послужила необычная для европейца форма боевого проникателя крымского копья. Отличительной особенностью рогатины был тяжелый массивный наконечник с широким листовидным пером удлинненно-ромбической, удлинненно-треугольной или каплевидной формы. При этом ширина пера рогатины, как правило, превышала диаметр втулки наконечника. Таким образом, упомянутое Флетчером татарское копые, которое брали в поход «некоторые» крымские воины, могло представлять собой колющее оружие на достаточно длинном деревянном древке, увенчанном наконечником с широким пером.¹ Также стоит обратить внимание, что копые у татар, согласно Флетчеру, не замещает, а дополняет оружейный комплекс крымского воина: «некоторые, кроме другого оружия, берут с собой пики...» (Флетчер, 1991: 91, 109, 110). Учитывая, что перед этим английский автор описывает саадак и «кривую саблю на манер турецкой», возможно, именно этот традиционный комплекс вооружения состоятельных татар и мог дополняться копьем. При этом копыя, по всей видимости, имели в крымских войсках весьма ограниченное распространение. Во всяком случае, тот же Флетчер в своем дальнейшем повествовании уже не упоминает их среди основного оружия крымцев, которые «...не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел» (Флетчер, 1991: 91, 109, 110).

Известный интерес для темы нашего исследования представляют сведения о вооружении и тактике крымских татар, собранные английским путешественником и наемником Джоном Смитом (1580–1631). В ходе сражения при Турну-Рошу 18 ноября 1602 г. между отрядом графа Модруша и татарско-османской армией Д. Смит попал в плен и был отправлен в Константинополь, а затем в Приазовье. Считается, что сведения о крымских татарах в сочинении Смита представляют собой компиляцию материалов предшественников с его собственными впечатлениями (Храпунов, Храпунова, 2015: 155, 162–163). При описании военного искусства крымцев Смит особо подчеркивает исключительную подвижность ханской конницы и массовое применение татарами саадаков, т.к. крымские «...лошади прекрасны, а лучники очень опыты» (Храпунов, Храпунова, 2015: 162, 163).

К сожалению, русский перевод работы Д. Смита, выполненный в 2013 г., не слишком точен, что уже отмечалось исследователями (Храпунов, Храпунова, 2015: 156, 157). Поэтому приведем его с некоторыми важными дополнениями и уточнениями: «Татарские панцири (bothbrest-plates)², сабли (swords)³, топоры (semiteres)⁴, шлемы (helmets) существенно отличаются от христианского и персидского оружия.⁵ Лук и стрелы (bowes and arrowes) каждый татарин изготавливает сам для себя.⁶ Седла и уздечки тоже кустарной выделки. При этом они сработаны весьма небрежно. Однако вся татарская старшина, как и турецкая, имеет оружие превосходного качества, и чем более громкая слава этих людей, тем лучше выглядит их вооружение.⁷ Обычный татарский воин редко может похвастаться

¹ Отметим, что копыя и рогатины с широким пером применялись и кочевниками других регионов Великой степи. Так, например, на протяжении периода позднего Средневековья и раннего Нового времени их использовали номады Южной Сибири и Центральной Азии (Бобров, Худяков, 2008: 299, 301, 309; Бобров, Худяков, 2010: 174–181)

² Здесь и далее в скобках указаны названия предметов вооружения из английского текста Д. Смита (Smit, 1884: 864). В данном случае речь, вероятно, идет о пластинчатых нагрудниках (both brest-plates).

³ Дословно – «мечи». В широком значении слова – длинноклинковое оружие.

⁴ Возможно, что «semiteres» – это искаженное scimitars (англ.), «semitarras» (ит.), то есть восточное оружие с изогнутым клинком. В данном контексте термин употреблен, по всей видимости, в значении «восточные сабли».

⁵ Вероятно, ошибка перевода. В английском тексте Д. Смит, наоборот, указывает, что татары используют вооружение, полученное от «христиан или персов»: «Their Armes are such as they have surprised or got from the *Christians* or *Persians*, both brest-plates, swords, semiteres, and helmets...» (Smit, 1884: 864). О том, что крымцы применяют персидское и московское вооружение (в частности, доспехи и шлемы), ранее писал М. Броневский (Broniouii, 1595: 23). Не исключено, что данная информация была заимствована Д. Смитом из труда польского автора.

⁶ «...bowes and arrowes they make most themselves...» (Smit, 1884: 864).

⁷ В английском тексте несколько иначе: «...but the nobility are very handsome, and well armed like the *Turkes*, in whom consisteth their greatest glory» (Smit, 1884: 864).

панцирем (little armor)¹, а чтобы изготовить копьё, он прикрепляет на конец жерди² острый металлический наконечник (head with a piece of iron for a lance). Опытные татарские всадники сражаются копьями, подобно христианским или турецким воинам» (Калашников, 2013: 28).³

Учитывая, что в начале XVII в. в большинстве армий Западной Европы кавалерийское длиннодревковое оружие уже сколько-нибудь широко не применялось, под «христианами», практикующими конный копейный бой, Джон Смит, вероятно, понимал конницу народов Восточной Европы и Балкан. Также стоит обратить внимание на то, что в данном случае потенциальными владельцами копья названы «обычные» татарские воины, которые «имеют мало доспехов». То есть, возможно, речь идет о наличии в крымско-татарских войсках начала XVII в. некоторого количества всадников, снабженных колющим длиннодревковым оружием, но не имеющих защитного вооружения. Однако насколько массовым было подобное явление Джон Смит не сообщает. Также не ясно, являются ли упомянутые «самодельные» копьё «обычных» татар ударным оружием ближнего боя или дротиками, предназначенными преимущественно для метания. Оговорка о том, что лишь «некоторые» (в переводе В.М. Калашникова «опытные») крымцы сражаются копьями, подобно христианским или турецким воинам, свидетельствует, скорее, в пользу не слишком широкой прослойки бойцов-ветеранов, обученных искусству ближнего копейного боя.

Определенное значение для темы нашего исследования имеют также сообщения польских и литовских авторов, датированные серединой XVII в., то есть временем масштабных военных конфликтов Речи Посполитой с Крымским ханством.

Хорунжий надворной хоругви польского короля Яна II Казимира Якуб Михаловский в своем «Диариуше Зборовской экспедиции», повествуя о битве под Зборовом (1649 г.), отмечает, что крымские татары, обстреливая надворную хоругвь из луков, все ближе и ближе приближались к полякам и, «... когда уже так близко наступали, пан хорунжий, чтобы под копьё (kopie) не попали, двинулся с хоругвью на несколько сажений к ним, тогда татары сразу же отошли назад» (Nagielski, 1998: 192).⁴ Данная фраза позволяет предположить, что, как минимум, некоторая часть атакующих татарских лучников могла быть дополнительно снабжена длиннодревковым оружием.⁵ Однако подобная трактовка не является единственно возможной. Упомянутые Михайловским «копье» могли означать не ударные пики, предназначенные для ближнего боя, а метательные копьё, то есть дротики. Таким образом, не исключено, что фразу хорунжего стоит понимать так, что татары приблизились настолько близко, что практически вышли на дистанцию метания дротиков, которые могли быть более опасны для поляков, чем пущенные издалека стрелы. Кроме того, фраза «...aby pod kopie nie podpadli» («...чтобы под копьё не попали») может являться простым устойчивым выражением, используемым для обозначения опасности неожиданной атаки противника на короткой дистанции. В последнем случае совершенно не обязательно, что во время потенциальной атаки татарских воинов под Зборовом последние должны были быть вооружены именно копьями.

Значительно более определенно о применении воинами Крымского ханства длиннодревкового оружия высказался польский автор диариуша битвы под Берестечком (1651 г.): «Татары лук со стрелами и обычное оружие имеют, копьё (dzid) при этом используют, другие – арабские джериды (arabskichdziryt), саблей (szablą) так же, как поляки, настигая, рубят» (Polskahistoria..., 1928: 115, 116).⁶ Данное сообщение интересно по нескольким причинам. Во-первых, его автор четко разделяет колющее длиннодревковое оружие на копьё, предназначенные для ближнего боя, и метательные дротики, которые он называет «арабскими джеридами» (тур. dzirid, араб. dzarit). Во-вторых, пожалуй впервые, копьё и дротики упомянуты в числе «обычного» массового оружия крымцев, наряду с луками, стрелами и саблями. Наконец, в-третьих, если ранее в европейских источниках (в том числе польских текстах) татарские ударные копьё ближнего боя обычно обозначались «kopie», «ozszer» и др., то в

¹ В английском тексте: «...the ordinary sort have little armor», то есть простые татары «имеют мало доспехов».

² «pole unshaven», то есть необтесанное древко.

³ «...some a plaine young pole unshaven, headed with a peece of iron for a lance; some an old Christian pike, or a Turks cavaltine» (Smit, 1884: 864). То есть речь идет о некоторых (some) татарах, которые сражаются на копьях, так же, как христиане на пиках, а турки – на «cavaltine» (разновидность длиннодревкового оружия).

⁴ Перевод А.А. Шейхумерова. Оригинальный текст: «Gde tedy tak już bisko nacierali, pan chorąży [Jakub Michałowski] obawiając się, aby pod kopie nie podpadli, pomknąć się na kilka sążni z chorągwią do nich, gdzie Tatarowie zaraz wzd» (Nagielski, 1998: 192).

⁵ Сам по себе факт попеременного использования конным воином лука и копья не является чем-то необычным. Во время дистанционного боя пика могла находиться за правым плечом лучника, зафиксированная парой кожаных темляков на правом плече и щиколотке соответственно. Перед началом копейной атаки лук вкладывался в налуч, а пику доставали из-за плеча.

⁶ Перевод А.А. Шейхумерова. Оригинальный текст: «Tatarowie łuk ze strzałami i broń pospolitą mają, dzid przy tym używają, drudzy arabskich dziryt, szablą także jak Polacy dojeżdżając ścinają» (Polska historia..., 1928: 115, 116).

данном случае использован термин «*dzid*» (от монг. «*жид*», калм. «*жид*»), который в дальнейшем будет все чаще встречаться на страницах польских документов.

Во второй день битвы под Варшавой 19 (29) июля 1656 г. некоторые воины Крымского ханства из состава корпуса перекопского бея Субхан Гази-аги (основу корпуса составляли буджакские ногаи) также использовали колющее длиннодревковое оружие. Так, например, один из крымских воинов¹ атаковал самого шведского короля Карла X Густава, пытаясь поразить его копьем. Этот эпизод Варшавской битвы неоднократно привлекал внимание европейских художников второй половины XVII в. К сожалению, оценить, насколько широко татарские и ногайские воины использовали колющее длиннодревковое оружие в указанном сражении, не представляется возможным.

В некоторых случаях в качестве колющего длиннодревкового оружия татары использовали бунчуки и знамена, снабженные заостренным наконечником. Так, например, в сражении под Простками 8 октября 1656 г. раненый Богуслав Радзивилл был атакован татарским «хорунжим» (сыном упомянутого выше командующего крымско-татарским корпусом Субхан Гази-аги), который попытался проткнуть новоявленного шведского фельдмаршала «длинным и острым» наконечником знамени. Уже лежа на земле, Богуслав сумел перехватить древко и отломить наконечник: «...меня, в голову сильно раненного, уже на земле лежавшего, знаменосец, сын татарина Гази-аги, наконечником своего знамени, весьма длинным и острым, к земле приколоть хотел, но вовремя схватился рукой за наконечник, и так Бог дал, что, от древка отломив, в моей руке остался» (Radziwiłł, 1841: 32–33).²

Важное значение для темы нашего исследования имеют данные о видах ранений русских воинов в боях с татарской конницей.

Анализ профильных материалов позволяет сделать вывод, что среди описаний ранений в боях с татарами даже в 50-х гг. XVII в. тотально преобладают раны, нанесенные стрелами и саблями (Бабулин, 2009: 22, 23; Куц, 2014: 76, 77, 428; Бабулин, 2015: 342–344). При этом раны от ударов татарских копий в этот период крайне редки.

В данной связи весьма характерен пример сражения под Конотопом 28 июня (8 июля) 1659 г., в котором татарско-казачья армия крымского хана Мехмеда IV Гирея и гетмана И. Выговского нанесла поражение авангарду московских войск под командованием князя С.Р. Пожарского. Главным содержанием боя 28 июня 1659 г. была ожесточенная рукопашная схватка, в которой приняли участие отборные подразделения русской и крымско-татарской конницы. И.Б. Бабулиным были собраны интересные сведения, касающиеся ранений русских воинов в этом сражении (Бабулин, 2015: 342–344). Анализ данных материалов позволил уточнить процент боевых ранений, нанесенных различными видами крымско-татарского оружия дистанционного и ближнего боя.

По итогам сражения 28 июня 1659 г. в Большом полку кн. А.Н. Трубецкого насчитывалось 508 раненых, получивших 529 ранений. Из них 267 ранений были нанесены саблями (50,47 %), 214 – стрелами (40,45 %), 23 – пулями «из пищалей/мушкетов» (4,35 %), ударами чекана/обуха – 15 (2,83 %)³, «бунчуком» – 3 (0,58 %), «знаменем» – 1 (0,19 %), «маслами» (то есть маслом) – 1 (0,19 %)⁴, «неизвестно чем» – 5 (0,94 %).

По итогам того же боевого столкновения в полку кн. Ф.Ф. Куракина насчитали 129 раненых, получивших 141 ранение. Из них 63 – стрелами (44,68%), 54 – саблями (38,29%), 15 – пулями «из пищалей/мушкетов» (10,64 %), чеканами/обухом – 5 (3,55 %), ядрами пушек – 2 (1,42 %), «поколоты знаменем» – 1 (0,71 %), «выбита рука» – 1 (0,71 %).

Таким образом, в совокупности русские отряды потеряли в сражении 28 июня 1659 г. 637 чел. ранеными, которые получили 670 ранений. Абсолютное большинство ран было нанесено саблями – 321 (47,91 %) и стрелами – 277 (41,34 %). На третьем месте, с огромным отставанием, огнестрельные ранения – 38 (5,67 %). На четвертом – раны, нанесенные чеканом/обухом, – 20 (2,98 %). Замыкают пятерку раны, полученные от ударов «знамен» и бунчуков – 5 (0,75 %). Кроме того, ранены «неизвестно чем» – 5 (0,75 %), пушечными ядрами – 2 (0,3 %), ранены маслом – 1 (0,15 %), у одного воина была «выбита рука» (0,15 %).

Сражение под Конотопом возобновилось 1 июля 1659 г., а 2–4 июля русская армия подвергалась атакам противника во время отступления к Путивлю. Подчеркнем, что характер боя в эти дни

¹ По другой версии это был *пахлик* Якоб Ковалевский (PamiętnikiLosia ..., 1858: 19; Записки Якуба Лося, 2007: 15).

² Перевод А. Шейхумерова. Оригинальный текст: «*mnie w głowę bardzo ranionego, na ziemi już leżącego, chorąży, syn Tatarzyna Gazyagi, grotem przy chorągwi swej bardzo długim i ostrym, do zeimi przyspilić chciał, alem porwał wczasręką zagrot, itakBógdal, zesię od drzcwa urwawszy, w rękę mnie został*» (Radziwiłł, 1841: 32, 33).

³ Разновидности ударно-рубящего и ударно-дробящего оружия. Учитывая контекст, в данную группу могли быть занесены раны, нанесенные топором с узким лезвием (рус. «чекан», польск. «*czekan*»), а также, вероятно, клевцом с остроугольным (польск. «*nadziak*», татарск. «*кулук-балта*») или загнутым ударником («обух»).

⁴ Маслак – разновидность ударно-дробящего оружия, состоящего из деревянной рукояти и ударника, выполненного из кости лошади.

существенно изменился, так как теперь вместо кавалерийского сражения татарские и казацкие отряды атаковали русский табор. Если главную роль в битве 28 июня играла крымско-татарская конница, то во время июльских столкновений возросла активность казацких полков Выговского, а также поляков. Союзники не только насакивали на табор с холодным оружием, но и обстреливали его из ружей и пушек (Бабулин, 2015: 251–263). Соответственно увеличилась пропорция русских воинов, получивших ранения в дистанционном бою в целом, и от огнестрельного оружия в частности. Так, например, в воеводском полку кн. А.Н. Трубецкого в боях 1, 2–4 июля среди раненых числилось 92 чел., которые получили 95 ран. На первом месте оказались раны, нанесенные ручным огнестрельным оружием – 43 (45,26 %), на втором – раны от стрел – 30 (31,58 %), замкнули тройку раны от пушечных ядер – 15 (15,79 %). Кроме того, 7 чел. (7,37 %) были ранены саблями. Среди раненых также фиксируются воины, пораженные ударным оружием: «...из полка Куракина... в бою 4 июля были ранены 1 сотенный из лука и чеканом, второй из лука» (Бабулин, 2015: 257). Таким образом, мы наблюдаем примерно тот же оружейный набор, что и в сражении 28 июня 1659 г. – саадаки, сабли, «чеканы», ружья, пушки.

Обращает на себя внимание тот факт, что в приведенном перечне совершенно отсутствуют ранения, нанесенные копьями, пиками и дротиками. Означает ли это, что крымско-татарские воины времен Конотопской битвы совершенно не использовали длиннодревковое оружие? На наш взгляд, нет. Не исключено, что колющие раны замаскированы под удары бунчуков и знамен (0,75 % от общего числа ранений в кавалерийском бою 28 июня 1659 г.). Материалы изобразительных источников свидетельствуют, что некоторые разновидности бунчуков, знамен и значков крымско-татарских отрядов могли снабжаться копейными наконечниками, предназначенными для нанесения колющего удара (Бобров, 2016: 331). В пользу данной версии свидетельствует фраза о том, что воин поместной конницы был «поколот знаменем» (Бабулин, 2015: 344), то есть получил колющий, а не, например, ударно-дробящий удар.¹ Можно предложить и другие объяснения факту отсутствия в перечне ран, нанесенных татарским длиннодревковым оружием. Так, например, немногочисленные крымские копейщики могли «преломить» свои копья в ходе первого боевого столкновения, после чего продолжить сражение, используя сабли, чеканы и «обухи». В этом случае раненые копьями московские воины могли не вырваться из кольца окружения и погибнуть на начальном этапе сражения.

В пользу возможности использования некоторыми татарскими воинами длиннодревкового оружия в Конотопской битве свидетельствуют отдельные письменные и фольклорные источники. Так, в частности, в турецкой реляции о Конотопском сражении (составленной на основе донесения крымского хана)² среди прочего оружия крымцев упомянуты и копья: «Отважные татары обагрили кровью поле боя своими четырехлопастными стрелами, *разрывающими грудь копьями*, раскалывающими черепа железными палицами..., тех, кто бежал, гнали мечом по поясницам...» (Бабулин, 2015: 390, 391). Русский автор «Новгородского хронографа» (вторая половина XVII в.) сообщает о том, что в ходе сражения часть рейтар под командованием некоего полковника была убита ударами не только клинкового, но и длиннодревкового оружия: «Отоиде мало с своими райтары и укрепися, и учени с ними, тотары, бой великий по три дни, но невозмогша его тотарове жива взятии... татарове нападаша крепце на них, овех посекаше, *а инех копий изבודше*, не един же тех свободися смерти, но вси мечем умроша» (Бабулин, 2009: 93, 94).³

Упоминания о татарских копейщиках сохранились в русском фольклоре, посвященном Конотопской битве. Так, например, в «Песне о гибели Семена Пожарского» описывается поединок вооруженного саблей С.Р. Пожарского с неким татариним, который «...держит в руках копьё вострое». Во время схватки Пожарский «...своей саблей вострою он отводил востро копьё татарское и срубил ему голову, что татарину наезднику» (Бабулин, 2009: 156). К сожалению, затруднительно определить, отображает ли образ татарского копейщика в «Песне...» реалии Конотопской битвы 1659 г. или вооружение татар 60-х гг. XVII в. и более позднего периода, когда копья, действительно, превратились в массовый вид оружия тюркских кочевников Восточной Европы (см. ниже).

Таким образом, собранные сведения позволяют предположить, что некоторые крымско-татарские воины, участвовавшие в Конотопской битве, теоретически могли использовать

¹ Ср. с рассмотренным выше эпизодом битвы под Простками в 1656 г. (за три года до Конотопского сражения), в котором татарский «хорунжий» пытался поразить Богуслава Радзивилла «длинным и острым» наконечником знамени (Radziwiłł, 1841: 32–33).

² По предположению И.Б. Бабулина, документ представляет собой «почти дословный пересказ подлинной ханской реляции» (Бабулин, 2015: 32).

³ Однако необходимо отметить, что достоверность данного сообщения может быть поставлена под сомнение, т.к., например, сведения о трехдневной обороне рейтарского отряда признаются специалистами недостоверными (Бабулин, 2009: 94). Кроме того, не очень понятно, как автору «Новгородского хронографа» стал известен характер смертельных ран, нанесенных татарами, если весь рейтарский отряд был истреблен, а русская армия покинула поле боя задолго до завершения героической обороны рейтар.

длиннодревковое оружие. Однако нет оснований полагать, что копья и пики имели в крымско-татарских войсках образца 1659 г. столь же широкое распространение, как сабли и тем более саадаки.

Как мы уже отмечали выше, далеко не все современники упоминали колющее длиннодревковое оружие в составе комплекса вооружения крымских татар и ногаев 40-х гг. XV – 50-х гг. XVII вв. Так, например, испанский путешественник Перо Тайфур, посетивший Крым в 1438 г., «не заметил» копья и пики местных кочевников: «оружие их – сабли (semitarras), лук (arco), стрелы (frenchas) и дубина (roggas)» (Тайфур, 2006: 130). Итальянский ученый Павел Иовий (1483–1552), описавший вооружение крымцев первой трети XVI в. на основе данных русского информатора Дмитрия Герасимова, зафиксировал стрелы, импортные персидские «железные шлемы, брони и сабли», но опять же ничего не сообщил о татарском длиннодревковом оружии (Барон Сигизмунд..., 1908: 259).

В подавляющем большинстве сообщений польских авторов XVI в., описывавших боевые столкновения с татарами, копья и пики крымцев не упоминаются вовсе, а в качестве главного оружия воинов ханства названы саадак и сабля. Это подтверждается и видами ранений польских и литовских воинов, нанесенных в основном татарскими стрелами и клинковым оружием (Стрийковский, 2011: 833; Bielski, 1856: 920; Гваньіні, 2007: 369, 371; Вирський, 2016: 65, 69, 70, 98, 99, 132). В некоторых случаях польские и литовские всадники, снабженные копьями и рогатинами, прямо противопоставляются татарам, не имеющим колющего длиннодревкового оружия. Так, например, знаменитый польский хронист и участник боевых действий Марцин Бельский (ок. 1495–1575) писал, что наиболее эффективным способом противодействия татарской коннице, вооруженной луками и саблями, была стремительная атака польских кавалеристов, вооруженных копьями (Wójcicki, 1856: 329–331). Бартош Папроцкий (1543–1614) также отмечал, что успех польских воинов в схватках с крымцами определялся преимущественно копьем, в то время как татарин обычно начинал бой метанием стрел, а затем рубил саблей (Вирський, 2016: 65, 69, 70).

Описание воинов Крымского ханства времен похода на Астрахань 1569 г. оставил польский посланник Анджей Тарановский. Дипломат отметил плохую оснащенность крымцев не только доспехами, но даже луками, которыми якобы были обеспечены лишь около половины татар. В ближнем бою, по данным Тарановского, степняки могли сражаться неким ударно-дробящим оружием с костяным наверху-ударником, вероятно, кистенем или маслаком: «...люди есть великие худейшии и едва пол их есть ежебы луки имели, пансырей же, ниже збруи коея не вопрошай, токмо в шерстяных одеяниях таскаются и в шубах вывороченных, яко же дивы мужие; кийже оружия не имать, той кость кобылью увяжет на ремни вместо оружия, и тако с тем и ездит, ничим же иным стоять, токо прут костью своею» (История о приходе турецкого..., 1872: 484). Тот же текст в хронике М. Бельского: «Народ весьма негодный и едва ли половина имеет луки. Кольчуг и доспехов никаких не имея, лишь в сермягах бродят, кто не имеет оружия, кобылью кость к палке привязывает вместо оружия и так ездит». (Bielski, 1856: 1187, 1188).¹

Отметим, что Анджей Тарановский не упомянул не только татарского колющего длиннодревкового оружия (что, как видим, не было редкостью для авторов XVI в.), но даже сабель, которые, согласно сообщениям других современников, имели известное распространение в крымско-татарских войсках данного периода. Обращает на себя внимание и дефицит саадаков – традиционно главного оружия кочевников. Последний факт позволяет предположить, что польский дипломат несколько преувеличил сложности снабжения крымских войск оружием дистанционного и ближнего боя. В противном случае наличие значительных масс плохо вооруженных всадников в войсках ханства, возможно, объясняется тем, что Тарановский описал не только собственно ударные боевые части крымских татар, но и нонкомбатантов, следовавших вместе с основной армией.

Французский наемник на российской и польской службе Жак Маржерет, дважды посещавший Русское государство в начале XVII в. (1600–1606, 1608–1611 гг.), сообщал своим читателям, что крымцы якобы были вообще не знакомы с другим оружием, кроме сабли и саадака: «Эти наездники [крымские татары] столь искусны, что на всем скаку прыгают с одной лошади на другую; кроме лука, стрел и сабли, другого оружия не знают, стреляют крепче и вернее на бегу, нежели стоя неподвижно...» (Московское государство..., 2000: 85, 234–236).

Ничего не пишет о татарских копьях и шведский посланник в России в начале XVII в. Петр Петрей. В качестве главного оружия ханских воинов названы все те же саадаки и сабли: «Воюют всегда верхом на бойких, легких и быстрых конях с толстыми хвостами. Седла и стремена у них все деревянные, кроме только князей, которые получают их из Турции и России. Оружие – луки, стрелы и кривые сабли. Ездят на укороченной узде, в седлах сидят, избоченясь. Когда обратятся в бегство, а неприятель погонится за ними, они бросают все, что только есть с ними, кроме сабель, которыми и рубят во все стороны, сколько хватит силы. Когда дают сражение неприятелю, распределяют своих людей по отрядам, помещая в каждый отряд по три или по четыре тысячи человек после того, как первый пустит свои стрелы, едет другой и третий отряды; так и стреляют из луков поочередно, в

¹ Перевод А.А. Шейхумерова: "Lud jest barzo nikczemny i ledwie połowica ich jest, coby łuki mieli. Pancierzów ani zbroje żadney nie mają, jedno w siermięgach się włóczą; a który broni nie ma, tedy kość kobyłą uwiąże u kija miasto broniey, a tak z tym jeżdżą. Niczem inszem nie stoją, jedno prędkością swą".

каком порядке поставлены; когда же все выстрелят, отступают назад и потом вместе нападают на неприятеля с большим шумом, гамом и криками: «Гола, гола, гола!» Разбитые и обращенные в бегство, они защищаются также стрельбой из луков до последней возможности; стреляют вперед и назад так живо и ловко, что и в бегстве наносят такой же вред, как и в сражении, и никогда не отдаются в плен по доброй воле, пока еще могут обороняться. Заметив, что для них одно спасение – бегство, они скорее позволят убить себя, нежели отдадутся в плен. Они не употребляют ни пороха, ни дроби, не умеют обращаться ни с полевыми, ни с большими пушками, редко осаждают города и крепости; но если бы привелось захватить город или крепость врасплох, хитростью и обманом, они уж не пропустят этого случая. Когда это удастся, они тотчас же жгут и разоряют взятый город до основания, грабят и берут все, что могут увезти» (Петрей, 1997: 207, 208).

В качестве доказательства массового использования ногами колющего длиннодревкового оружия в первой трети XVII в. иногда приводится фраза, приписываемая монаху Доминиканского ордена Джованни да Лукка, лично посетившего Крым в середине 20-х гг. XVII в.¹: «...Когда ногайцу случается спать в поле, то он *втыкает в землю копьё, к которому уздечкой привязывает свою лошадь; спит, опираясь головой на руки и упомянутое копьё для того, чтобы в случае нападения быстрее вспрыгнуть на коня*» (Описание..., 1879: 486). Из этого делается вывод, что в момент путешествия итальянца по землям ханства копьё будто бы являлись обычным оружием ногаев. Однако при ознакомлении с оригинальным итальянским текстом выясняется, что данная фраза в нем отсутствует. Перечисляя вооружение крымских татар, наблюдательный доминиканец отметил лук, саблю, нож, а также закрывающий лицо «кольчужный шлем» и «кольчатую рубаху», которую использовали богатые воины ханства. Среди элементов снаряжения и походной одежды Джованни да Лукка были зафиксированы «малый барабанчик, который возят на луке седла» (у десятников), свирель («чтобы собраться при случае»), епанча («*iampruncii*»), кнут, ремешки, шило с веревочкой и даже нитки (Relatione..., 1834: 54, 55). Как легко заметить, в этом пространном перечне совершенно отсутствует длиннодревковое оружие, которое, благодаря внушительным размерам, вряд ли могло ускользнуть от внимания пытливого иностранного путешественника. Характерно в данной связи, что, совершенно игнорируя копьё у татар и ногаев, Джованни да Лукка отметил их наличие у северокавказских соседей крымцев. Так, в частности, копьё («*lance*») упомянуты на вооружении черкесов. Они же, согласно итальянцу, применяли некие «*spuntoni*», которые традиционно переводятся русскими исследователями, как «дротики» (Relatione..., 1834: 54, 55; Описание..., 1879: 490.; Адыги..., 1974: 71).² Вставка про длиннодревковое оружие у ногаев впервые появляется лишь во французском издании Джованни да Лукка (1664 г.). Причем французский переводчик, добавивший данную информацию в виде специальной сноски, особо оговаривает, что эти сведения он получил от некоего «*Le Gentilhomme Polonois*», то есть польского дворянина (Relations, 1664: 19). Таким образом, сведения об использовании ногами пик (во фр. изд. «*riquet*») в качестве крепления уздечки коня, относится не к первой трети, а к середине XVII в., когда традиционный комплекс вооружения тюркских кочевников Восточной Европы, действительно, претерпел существенные изменения (см. ниже). Что же касается оригинального сообщения Джованни да Лукка, то оно не только не подтверждает факт широкого распространения копий среди воинов Крымского ханства начала XVII в., но и, скорее, свидетельствует об обратном.

Весьма схожий с перечнем Джованни да Лукка набор вооружения и снаряжения крымских татар первой половины XVII в. приводит и французский инженер на польской службе в 1630–1647 гг. Г. Боплан. Подробно описав одежду крымцев, перечислив основное оружие (сабли, саадаки, ножи), отметив кольчатые панцири богатых кочевников, не забыв упомянуть огниво, шило и веревки для связывания пленных, он при этом совершенно игнорирует татарские копьё и пики: «Простые [татары] надевают на плечи бараний тулуп, выворачивая его шерстью наружу во время зноя и в дождь. Вид их в такой одежде при неожиданной встрече в поле приводит в ужас, ибо их можно принять за белых медведей, оседлавших лошадей. Во время холодов и зимой они выворачивают свои тулупы шерстью внутрь, то же делают и с шапкой, сделанной из такого же материала. Вооружены они саблями, луком с колчаном, снабженным 18–20 стрелами, за поясом нож, огнивом для высекания огня, шилом и 5–6 саженьями веревок, чтобы связывать пленников, которых они могут захватить во время похода... Только самые богатые носят кольчуги, остальные же за неимением таковых отправляются на войну [считай] голыми» (Боплан, 2004: 219, 221).

Ничего не сообщает о татарских копьях и анонимный товарищ казацкой хоругви, попавший в плен под Князьими Байраками в 1648 г. и давший уничижительную характеристику ханской конницы: «Орда многочисленная и трусливая и неказисто выглядящая в кожухах и сермяжках без сабель, без луков; самое большое с маслаками, то есть костью, посаженной на гибкое дерево, что хуже, чем сабля» (Nagielski, 1998: 103).³

¹ Согласно другой версии – в начале 30-х гг. XVII в.

² Отметим, что подобный перевод термина «*spuntoni*» не является единственно возможным.

³ Перевод А.А. Шейхумерова. Оригинальный текст: «*Orda licha i nieśmiała i niepozorna w kożuchach i w siermiężkach bez szabel, bez łuków; najwięcej z masłakami, to jest kość wsadzona na gibkie drzewo, co jest gorszego niżli szabla*».

Отмечая факты отсутствия сведений о татарских копейщиках во многих европейских письменных источниках, необходимо заметить, что собственно мусульманские авторы также упоминают их крайне редко. Крымский хронист Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи (1651 г.) при описании сражений с участием татарских всадников отмечает на вооружении кочевников лишь сабли (Кырымлы, 1998: 15, 16). Перечисляя трофейное оружие, захваченное в 1649 г. в польской крепости и распределенное между татарскими «богатырями», беками, агами, капыкулы и «людьми из свиты (калга) султана», Мехмед Сенаи упоминает «...сабли, и стрелы, и кольчуги, и латы, и шлемы», но ничего не сообщает о копьях, рогатинах и пиках, которые, как известно, достаточно активно применялись воинами Речи Посполитой (Кырымлы, 1998: 42). В материалах османского путешественника середины XVII в. Эвлия Челеби на вооружении воинов Крымского ханства и ногайцев отмечены сабли (qilic), саадаки (sadak), луки (yau), стрелы (ok), ружья (miltik), защитное вооружение (savat, kobe, zirh), ударно-дробящее оружие и даже плети-«нагайки», но только не копья и пики (Бобров, 2016: 223–225). В известных нам документах, фиксирующих имущество крымских татар первой половины XVII в., указаны разнообразные сабли (qilic, turanqilic), луки (yau ile), колчаны со стрелами (sadaqoq, «тиркеш»), ружья (Биарсланов, 1898: 42; Рустемов, 2016: 823–827). Однако упоминаний о колющем длиннодревковом оружии, даже в составе имущества состоятельных татар указанного периода, пока не обнаружено.

В завершении обзора письменных источников необходимо хотя бы кратко остановиться на сообщениях тех авторов, которые прямо отрицают сколько-нибудь широкое распространение колющего длиннодревкового оружия среди крымско-татарских воинов. Подобные материалы не многочисленны, однако в их число входят такие классические труды, как «Известия о делах Московитских» («Regum moscoviti sarum commentarii»)¹ Сигизмунда Герберштейна (1486–1566), а также трактат «О нравах татар, литовцев и московитян» («Demoribus Tartarorum, Lituanoorum et Moschorum») Михалона Литвина.²

Австрийский посол в Московии в 1517 и 1526 гг. Сигизмунд Герберштейн называет в качестве основного оружия татар саадак (луки и стрелы) и отмечает, что в первой четверти XVI в. даже сабли среди крымских воинов встречались не слишком часто: «Их оружие – лук и стрелы (arcus & sagitta; Pogen/Bogen unnd pfeil)³; сабля (framea; Säbln/Säbel) у них редка» (Герберштейн, 2007: 267, 268).⁴ Продолжая рассказ о военном деле «перекопских» татар, имперский дипломат особо подчеркивает слабость ханской конницы в ближнем бою, которая, по его мнению, была обусловлена отсутствием у кочевников необходимых элементов защитного вооружения (в частности, шлемов и щитов), а также копий: «Если дело доходит до ближнего или рукопашного боя, они быстро бывают разбиты, так как не имеют ни щитов (clypeo; Tartschen), ни копий (lancea; Spieß), ни клинков, ни шлемов (galea)⁵, чтобы противостоять врагу в правильной битве» (Герберштейн, 2007: 267, 268). Отметим, что в эпоху Герберштейна конные латники Западной Европы уже давно отказались от широкого использования щитов в кавалерийском бою. Если рассматривать указанные предметы вооружения (копье, щит «тарч») не как отдельные элементы, а как оружейный комплекс, то нельзя не заметить, что в первой четверти XVI в. он был весьма характерен для ранних гусар Балкан, Венгрии, Польши и Литвы, а также некоторых категорий османских кавалеристов. Возможно, что, отмечая отсутствие копий и щитов у кочевников, Герберштейн тем самым подчеркивал различие военного дела татар Крымского ханства с их южными, западными и северными соседями.⁶

¹ В отечественной историографии данное произведение также известно под названиями «Записки о Московии» или «Московия» (Герберштейн, 2007: 8)

² Михалон Литвин – псевдоним, под которым историки склонны видеть посланца короля Сигизмунда I в Крымское ханство Михаила Тишковича или участника посольства в Крым в 1542–1543, 1554 гг. Венцеслава Миколаевича (ок. 1490–1560) (Литвин, 1890: 4, 5; Михалон Литвин, 1994: 15; Московское государство..., 2000: 226).

³ В скобках указаны термины, обозначающие соответствующие предметы вооружения в Базельском (латинском) издании 1556 г. и Венском (немецком) издании 1557 г.

⁴ В Базельском (латинском) издании 1556 г.: «Porro arma illorum sunt, arcus & sagitta: framea apud eos rara» (Herberstein, 1556: 89).

⁵ В Базельском (латинском) издании 1556 г.: «...quoniam nec clypeo, nec lancea, nec galea munty sunt...» (Herberstein, 1556: 90). В Венском (немецком) издании 1557 г.: «...gegen denen die Spieß unnd Tartschen (т.е. щиты типа «тарч» – Авт.) auch seitten wehr haben...» (Herberstein, 1557: 99).

⁶ Характерно в данной связи, что при описании литовцев и русских С. Герберштейн не забывает упомянуть их длиннодревковое оружие: «Обыкновенное их [московитов] оружие – лук, стрелы, топор, копье и палка, наподобие римского цеста, которая по-русски называется кистень, а по-польски – бассалык... Некоторые носят шелковое платье, подбитое войлоком, для защиты от всяких ударов; оно может задержать обычную стрелу; употребляют они и копья (lanceis, Spieß)»; «Этот народ [литовский] носит длинное платье; вооружены они луками, как татары, и копьем со щитом, а также саблей, как венгры» (Герберштейн, 2007: 173, 174, 185, 300).

Подробное описание крымско-татарской армии середины XVI в. оставил литовский дипломат Михалон Литвин¹: «Когда в моем присутствии царь (т.е. крымский хан – Авт.) отправлял с своим сыном половину войска в помощь туркам в Венгрию, его насчитали 15 000; хотя в поход выступали отборные татары, но снарядились они обыкновенным образом, т.е. были почти безоружны; едва десятый или двадцатый из них был вооружен саблею (*framea*)² или колчаном (*pharetra*,) панцири (*logica*) же встречались еще реже; одни имели только палки костяные или деревянные (*scipionibus saltem muniti osseis, alii ligneis*)³, другие были препоясаны пустыми ножами без оружия (*alii vacuistelorum mactinivaginis*).⁴ *Щитов, копий и другого оружия подобного рода они совсем не знают (Clupeorum autem & hastarum, vel huiusmodi armorum generis, expertes penitus)*... Татары носят длинные туники без складок и сборок, легкие и удобные для верховой езды и сражений; колпаки у них белые, остроконечные, сделаны не для парада; во время битвы от их высоты и блеска татары имеют более представительный и грозный для врагов вид, хотя и *не имеют обыкновения надевать шлемы (galeati)*⁵» (Литвин, 1890: 11, 12, 24).⁶ Таким образом, М. Литвин, как и С. Герберштейн, отрицает наличие у татар щитов и копий, а следовательно, и наличие в крымских войсках всадников, вооруженных по «раннегусарскому» образцу.⁷ В отличие от А. Тарановского Литвин объясняет наличие в татарских войсках многочисленных безоружных всадников: «Ведь настолько выросла численность татар в Таврике, что они выставляют на войну почти тридцатитысячное войско, но собранное принудительно, так как должны [идти] все как один, кто только способен сесть на коня, и [даже] *пастухи, и не владеющие оружием*» (Михалон Литвин, 1994: 65, 66). По данным литовского дипломата, в задачи конников, «не владеющих оружием», входил захват пленных: «...никто из них не отправляется без множества свежих ремней, особенно когда им предстоит совершить набег на наши земли. Ибо тогда их более заботят путы, чтобы вязать конечности наши, чем доспехи для своей защиты» (Михалон Литвин, 1994: 66).

Еще одной работой, автор которой категорично отрицает использование крымскими татарами колющего длиннодревкового оружия, является записка французского дипломата Блеза де Виженера (1523–1596) «Ladescriptiondu Royaume de Pologne...» (1573 г.). Данное произведение представляет собой компилятивный труд, адресованный Генриху Валуа, избранному польским королем,

¹ Согласно одной из версий, М. Литвин в своем произведении описывает выступление крымско-татарских войск в поход на Венгрию в 1543 г. (Михалон Литвин, 1994: 15).

² Здесь и далее в скобках указаны термины, обозначающие соответствующие предметы вооружения в Базельском (латинском) издании 1615 г. (Litvin, 1615: 5, 6).

³ Вероятно, имеются в виду деревянные дубины, а также кистени или «маслаки», снабженные костяным ударником.

⁴ Возможно, за «пустые ножны» М. Литвин принял колчаны для дротиков («джирид»), которые внешне, действительно, могли напоминать широкие «пустые ножны».

⁵ «Tartari tunicas habent absque plicis & rugis longas, equitanti dimi cantique commodas, leues & pileos albos acutos non ad fastum paratos, quorum eminentia atque nitore in agminibus, licet minime galeati esse soleant, apparent illustriores, & hostibus formidandi» (Litvin, 1615: 15).

⁶ Перевод В.И. Матузовой: «Поскольку, когда я был там и когда царь послал половину их и сына своего на помощь туркам, ходившим недавно на Венгрию, то их насчитывалось тогда пятнадцать тысяч. Хотя и ходили избранные, однако снаряженные по обычаю своему, а именно – многие безоружные, и едва ли у десятого или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях было их еще меньше; но одни по крайней мере были вооружены костяными, другие – деревянными палками, третьи – с пустыми ножами на поясе. *Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают...* У татар длинные туники без складок и сборок, удобные, легкие для верховой езды и сражения; их белые остроконечные войлочные шапки сделаны не для красоты; их высота и блеск придают толпам [татар] грозный вид и устрашают врагов, хотя почти никто из них не носит шлемов» (Михалон Литвин, 1994: 66, 75).

⁷ М. Литвин преподнес свой трактат польскому королю и Великому князю литовскому Сигизмунду II Августу в 1550 г. (Михалон Литвин, 1994: 6). Первое издание книги Герберштейна датируется 1549 г. (Герберштейн, 2007: 6, 699). То есть литовский автор, теоретически, мог заимствовать данную информацию у своего германского коллеги. Однако, не менее вероятно, что Герберштейн и Литвин воспроизводят распространенный в Восточной и Центральной Европе взгляд на татарских воинов как легких всадников, не умеющих сражаться «по-гусарски» при помощи копий и щитов-«тарчей». Характерно в данной связи, что если для обозначения щитов оба автора указывают одинаковые латинские термины «clupeo», «clupeorum», то копье у Герберштейна фигурирует под названием «lancea», а у Литвина – «hastarum», т.е. «hasta» (Herberstein, 1556: 90; Litvin, 1615: 5). Однако в любом случае данный пассаж литовского автора представляет для нашего исследования значительную ценность. Даже если Литвин действительно заимствовал указанные сведения у Герберштейна, то он расценивал их как правдивые. Крайне маловероятно, чтобы опытный литовский дипломат стал бы включать в текст трактата, адресованного правящему монарху, информацию, которую полагал заведомо недостоверной.

призванный познакомить монарха с его королевством. Одна из глав посвящена татарам: «Действительно, вооружение (*armes*)¹ их весьма несложно и состоит по большей части из одного лука (*arc*) и стрел (*fleches*), иногда с прибавкою кинжала или меча (*avec quelques cimeterres ou coltellats*).² Они никогда не употребляют копий (*lances*), потому не встречают неприятеля лицом к лицу, сомкнутым строем и в боевом порядке, и только непрерывно нападают и отступают»³ (Мемуары, относящиеся к истории..., 1890: 81). Не исключено, что данные сведения были позаимствованы Б. Вижинером из упомянутого выше труда С. Герберштейна или сообщений польских авторов. Однако, даже если это действительно так, то сам факт включения сведений об отсутствии у татар копий в документ, адресованный королю, представляет значительный интерес. Это, в частности, позволяет предположить, что французский дипломат воспринимал указанные данные как достоверные и отражающие реальные особенности оружейного комплекса крымцев середины XVI в. Также стоит упомянуть, что, в отличие от Герберштейна и Литвина, Вижинер подчеркивает отсутствие у татар только копий, но не щитов.

Подводя итог обзору письменных источников по теме настоящего исследования, необходимо отметить следующие моменты.

Собранные и проанализированные материалы позволяют сделать вывод, что в крымско-татарских войсках конца XV – первой половины XVII вв. колющее длиннодревковое оружие имело весьма ограниченное распространение. Оно значительно уступало по популярности саадакам, саблям и, возможно, ударно-дробящему оружию.⁴

Письменные свидетельства о татарских копейщиках середины XV в. слишком малочисленны, чтобы составить целостную картину особенностей развития колющего длиннодревкового оружия в войсках населения Крыма данного периода. Можно лишь предполагать, что одним из важных трендов эволюции военного дела тюркских кочевников Восточной Европы в XV в. (по сравнению с концом XIV в.) было постепенное сокращение удельной численности и тактической значимости панцирных всадников, оснащенных длиннодревковым оружием. В пользу данной версии, помимо прочего, свидетельствуют сообщения современников, датированные первой четвертью следующего столетия.

В XVI в. значение конного копейного боя в крымско-татарской боевой практике снизилось настолько сильно, что многие европейские авторы не посчитали нужным включить копьё и пики в перечень основного вооружения воинов ханства (П. Иовий, М. Бельский, А. Тарановский и др.), а некоторые даже прямо отрицали само наличие колющего длиннодревкового оружия и соответствующих приемов конного копейного боя у тюркских кочевников региона (С. Герберштейн, М. Литвин, Б. Вижинер).

Тем не менее, известные материалы позволяют сделать вывод, что колющее длиннодревковое оружие все же применялось в войсках Крымского ханства XVI в., хотя и в относительно небольших количествах. Основными потребителями ударных копий и пик являлись состоятельные крымско-татарские воины, «к сабле и копьё пригожие», то есть обученные искусству конного боя с применением клинкового и древкового оружия. По некоторым данным, даже в конце XVI – начале XVII вв. некоторые «опытные татарские всадники» могли сражаться «...копьями, подобно христианским или турецким воинам» (Калашников, 2013: 28). При этом, судя по информации Д. Флетчера, копьё у зажиточных татар не замещали, а дополняли традиционный оружейный комплекс, состоящий из сабли и лука со стрелами. Весьма вероятно, что длиннодревковым оружием могли оснащаться некоторые представители командного состава крымско-татарской армии, например, командиры отрядов-«болоков». В последнем случае к древку крепился специальный значок, представлявший собой флажок или небольшой бунчук. Во время боя воины подразделения двигались за своим командиром, ориентируясь на полотнище или волосяную кисть его значка. Польский автор «Виршованной хроники» сообщал по этому поводу: «Без шеренг ордынец мчит, идет куда захочет, смотря больше на то, куда повернет значок, туда и он направляется» (Мицик, 2005: 88). Согласно информации англичанина Д. Смита, наряду с панцирниками, длиннодревковое оружие могли применять и отдельные татарские воины, не имеющие доспехов (Smit, 1884: 864; Калашников, 2013: 28). К сожалению, англичанин не уточняет, идет ли речь об оружии ближнего боя или метательных дротиках.

¹ Здесь и далее в скобках указаны оригинальные термины и фразы из труда Б. Вижинера, изданного в Париже в 1573 г. (Vigenere, 1573: LXVII).

² Более вероятно, что под «*cimeterres*» (то есть скимитарами) подразумевался не «меч», а «сабля».

³ De lances ils nesen aydent point, aussi ne cobattent ils pas de piedferme, ny par escadrons ragez & ordonnez en bataille, mais a charges & recharges seulement (Vigenere, 1573: LXVII).

⁴ Под ударно-дробящим оружием мы понимаем как цельнодеревянные дубины, так и древковое оружие с костяным (маслак) или металлическим ударником (булавы, перначи, кистени и т.д.). Если последние применялись состоятельными татарами, то дубины и маслаки широко использовались многочисленными бедными ополченцами и нонкомбатантами (Bielski, 1856: 1187, 1188; Литвин, 1890: 11, 12; Nagielski, 1998: 103).

Открытым остается вопрос о возможности сведения татарских копейщиков XVI в. в отдельные подразделения. В османской книжной миниатюре данного периода зафиксировано изображение отряда конных панцирников из состава войск Крымского ханства, вооруженных длиннодревковым оружием (Зайцев, 2003: 89; Бобров, 2016: 232). Однако в собранных и проанализированных письменных материалах подобные сведения отсутствуют.

В целом, нет оснований полагать, что немногочисленные копейщики оказывали сколько-нибудь существенного влияния на тактику крымско-татарской конницы XVI в., основанной на сочетании маневренного лучного и сабельного боя (Бобров, 2016: 233–237, 352). Вооруженные копьями и дротиками татарские всадники могли участвовать как в дистанционном бою (Nagielski, 1998: 192)¹, так и в последующей атаке с холодным оружием (в качестве поддержки конных сабельщиков и воинов с булавами, дубинами, топорами и маслаками). «Преломив копьа», состоятельные крымцы имели возможность продолжить бой, используя саадак и клинковое оружие.

Некоторый рост значения колющего длиннодревкового оружия фиксируется в первой половине XVII в. (сообщение Д. Смита, сражения под Зборовом в 1649 г., Берестечком в 1651 г., Варшавой в 1656 г. и др.). Однако данные изменения еще не носили по-настоящему масштабного характера и остались незамеченными многими современниками (сообщения Ж. Маржерета, П. Петрея, Д. Лукка, Г. Боплана, М. Сенаи и др.). Весьма вероятно, что в первой половине XVII в. идея довооружения всадников колющим длиннодревковым оружием была усвоена лишь отдельными степными (в первую очередь ногайскими) командирами, оценившими преимущества калмыцкого «копийного напуска».² Распространение практики использования ударных копий и пик шло в армии Крымского ханства весьма неравномерно. Характерно в данной связи, что, если под Берестечком (1651 г.) и Варшавой (1656 г.) татарско-ногайские копейщики обратили на себя внимание современников, то в битве под Конотопом (1659 г.) они были практически не заметны. Из 670 ранений, нанесенных русским воинам в преимущественно кавалерийском сражении 29 июня 1659 г., нет ни одной раны, нанесенной копьем или пикой. С некоторой долей осторожности к ранениям колющим длиннодревковым оружием можно отнести удары «бунчуком» и «знаменем», которые составляют лишь 0,75 % от общего числа ранений русских воинов в данном сражении (см. выше).

В латинских текстах длиннодревковое оружие татар фигурирует под названием: «hasta», в английских – «lance», «horseman's staff», итальянских – «lanza», русских – «копья». Польские авторы XVI – первой половины XVII вв. обычно использовали термин «kopie». Однако позднее, во второй половине XVII в., общеупотребительным названием длиннодревкового оружия тюрко- и монголоязычных номадов в письменных источниках Речи Посполитой становится калмыцкий термин «dzid».

Известные материалы позволяют сделать вывод, что крымскими татарами XVI – начала XVII вв. использовались различные виды колющего длиннодревкового оружия, предназначенные для ближнего боя (копья, пики и, возможно, рогатины), а также метательные дротики. К сожалению, большинство авторов не оставили сколько-нибудь подробного описания татарского длиннодревкового оружия. К числу немногочисленных исключений можно отнести сообщение Д. Флетчера, который сравнил татарское оружие с копьями английских кавалеристов второй половины XVI в. («horseman's staff») и одновременно с рогатиной, с которой ходят на медведя (Флетчер, 1991: 91, 109, 110). Это позволяет предположить, что описанные Флетчером татарские копья могли иметь наконечник с широким листовидным пером, который насаживался на достаточно длинное деревянное древко.

Резкий рост значения колющего длиннодревкового оружия и конного копейного боя в крымско-татарских войсках произошел в 60-х гг. XVII в. На наш взгляд, централизованная политика стремительного и массового оснащения (довооружения) татар копьями и пиками в данный период

¹ В ходе лучной перестрелки копье традиционно размещалось за спиной воина. Вертикальное положение древку обеспечивали пара кожаных петель на древке, в которые продевались рука и лодыжка всадника.

² С отдельными отрядами калмыков ногаи столкнулись еще во второй половине XVI в. В первые десятилетия XVII в. отдельные стычки переросли в масштабную войну, которая закончилась поражением ногаев и уничтожением Большой Ногайской орды (Тепкеев, 2012: 21–26, 30–36, 41–55; Трепавлов, 2013: 101, 132, 139–145). Военное дело калмыков произвело сильное впечатление на тюркских кочевников Дашт-и Кипчак, что не укрылось от внимания современников: «...нагайским людям они, калмыцкие люди, страшны гораздо и против них не стаивали они, нигде и биться с ними не умеют» (Бобров, Рюмшин, 2015: 372). Часть ногаев подчинилась ойратам, а другая откочевала на территорию Крымского ханства. По данным В.В. Трепавлова, «к концу XVI в. крымская конница уже в значительной степени состояла из ногаев» (Трепавлов, 2013: 203). Весьма вероятно, что именно откочевавшие на запад ногаи и выступили в первой половине XVII в. основными ретрансляторами ойратской боевой практики конного копейного боя в Крымском ханстве. Характерно в данной связи, что основу корпуса Субхан Гази-аги (в составе которого действовали степные копейщики) формировали воины Буджакской орды, основу которой составляли именно ногаи (Трепавлов, 2013: 148).

была обусловлена, в первую очередь, необходимостью противодействия «копийной» коннице восточных степных соседей – калмыков (Бобров, 2016: 245, 246, 280, 356).¹

В отличие от тюркских номадов Восточной Европы, ойраты и монголы конца XVI – начала XVII вв. применяли колющее длиннодревковое оружие исключительно широко. Стремясь повысить атакующую мощь своих конных армий, центральноазиатские полководцы начали массово снабжать копьями и пиками не только латников, но и бездоспешных лучников. В конечном счете это привело к появлению новой разновидности конницы, составленной из легковооруженных копейщиков, способных эффективно сражаться как в дистанционном, так и в ближнем бою (Бобров, Худяков, 2008: 538, 567; Бобров и др., 2010: 126–129, 166; Бобров, Рюмшин, 2015: 369–374). По всей видимости, эксперимент был признан удачным, так как новая оружейная практика получила широкое распространение. Число копейщиков в ойратских войсках в XVII в. неуклонно росло. Некоторые центральноазиатские правители стали стремиться к едва ли не поголовному обеспечению своих воинов длиннодревковым оружием. В результате в походе всадник иногда вез с собой не одно, а два или даже три копья. Некоторый запас длиннодревкового оружия перевозили в обозе и накануне боя выдавали воинам с тем расчетом, чтобы каждый из них во время боевого столкновения был снабжен копьем или пикой. Самые бедные кочевники вооружались копьями с роговыми наконечниками или цельнодеревянными пиками, конец которых был заострен и обожжен на огне (Бобров, Худяков, 2008: 295, 577, 578; Бобров, Рюмшин, 2015: 369).²

В начале 50-х гг. XVII в. военные трофеи крымских татар и калмыков носили эпизодический характер (Тепкеев, 2012: 212–215). Однако в начале 60-х гг. XVII в. частота боевых столкновений резко возрастает, а калмыки начинают угрожать непосредственно Крыму. Только за сентябрь–декабрь 1661 г. татарские улусы были последовательно атакованы отрядами Зан-Кашки (1 100 чел.), тайши Дугара (200 чел.), Будан-Церена, двумя дербетскими отрядами неизвестного ойратского военачальника и Умар-хошучи (1000 и 800 чел. соответственно), подразделениями тайши Мончака (700 чел.) и др. В ходе нападений были захвачены многочисленные пленные, а также огромные табуны лошадей. В числе крымцев, погибших в схватках с калмыками, был и знаменитый Сары-мирза, который, благодаря своим стремительным набегам, много лет являлся «головной болью» российских властей. Наибольших успехов в ходе осенней кампании 1661 г. добился отряд Будан-Церена. Астраханский воевода Г.С. Черкасский сообщал в Москву: «Калмыцкого Мончака тайши ратные люди Будан и Черен, да Серен с товарищами убили под Крымом крымского Сары-мирзу, который хаживал в твои в.г., украинные города войною с многими крымскими людьми, да крымских людей, которые с ним и с Крыма выезжали на бой, побили семь тысяч и многие улусы в полон поимали и животные стада отбили» (Бобров, 2014: 240, 241).

По всей видимости, калмыцкие копейщики во время данных набегов произвели впечатление на крымское командование, т.к. уже в декабре 1661 г. хан Мухаммед-Гирей лично инициирует размещение масштабного заказа на 4 500 копий у «горских черкесов». Интересно, что северокавказским оружейникам был отправлен специальный образец, по которому следовало выполнить все остальные наконечники.³ Заявленного количества копий, по всей видимости, показалось недостаточно, поэтому массовое производство длиннодревкового оружия было развернуто во владениях перекопского бея. Назначение программы перевооружения не являлось секретом для современников: «...а биться им с копы против калмыков. А перекопский де Мустафа бей копий сделал немало» (Бобров, 2016: 280). В дальнейшем программа перевооружения татарской и ногайской конницы была продолжена, в результате чего в войсках Крымского ханства появились современные контингенты легких копейщиков, что сразу же получило отражение в сообщениях современников и служебной документации. Однако вопрос о колющем длиннодревковом оружии и копейном бое армии Крымского ханства 60-х XVII – начала 80-х гг. XVIII вв. выходит за хронологические рамки настоящей статьи и будет рассмотрен в специальной работе.

Сведения письменных источников по колющему длиннодревковому оружию крымских татар и ногаев XV – первой половины XVII вв. могли бы быть существенно дополнены благодаря анализу вещественных, фольклорных и изобразительных материалов. К сожалению, далеко не все указанные виды источников отличаются массовостью и высокой степенью информативности.

С территории Крымского ханства происходят не менее двух десятков наконечников копий, пик, рогатин и дротиков. Однако ни один из них не может быть в настоящее время уверенно датирован рассматриваемым историческим периодом и соотнесен с комплексом вооружения крымско-татарских

¹ В числе других причин можно назвать стремление крымских военачальников повысить устойчивость своих кавалерийских подразделений в боях с русскими и поляками.

² Эвлия Челеби, живописуя вооружение волжских калмыков 60-х гг. XVII в., отмечал: «...наконечники копий – из рогов дикого буйвола, или быка. Тем не менее копы пронзают кремь» (Челеби, 1979: 171). Цельнодеревянные пики джунгарских воинов упомянуты российскими авторами (Бобров, Худяков, 2008: 296). У казахов копы также могли не иметь металлического наконечника, а конец древка просто заострялся и обжигался на конце (Кушкумбаев, 2001: 59).

³ В.Т. Тепкеев, на наш взгляд, совершенно справедливо предположил, что присланный ханом образец представлял собой трофейную калмыцкую пикку (Тепкеев, 2012: 321).

и ногайских воинов XV – первой половины XVII вв. В 1913 г. выдающимся российским и советским археологом В.А. Городцовым был изучен «наконечник железного копья, купленный в Крыму, на торгу» (Городцов, 1913: 4). На основании анализа надписи на втулке ученый пришел к выводу, что оружие принадлежало султану Тохтамышу Гирею – сыну Менгли Гирея, который «...царствовал в 1466 по 1515 год» (Городцов, 1913: 4). Однако, спустя почти сто лет с момента публикации работы В.А. Городцова, предложенная им атрибуция крымско-татарского наконечника была оспорена российским исследователем И.В. Зайцевым. Проанализировав материалы письменных источников, он пришел к выводу, что «...владелец копья не мог быть сыном Менгли-Гирея I» (Зайцев, 2008: 148). Согласно реконструкции И.В. Зайцева, владельцем копья являлся султан Тохтамыш Гирей – сын хана Менгли Гирея II, «...а значит, сам предмет нужно датировать 20–40 гг. XVIII в.» (Зайцев, 2008: 148).

В ногайском эпосе на вооружении степных богатырей упоминаются различные виды копий («найза») и пик («сунги») (Сикалиев, 1994: 123, 124). Однако данные материалы не позволяют сделать вывод о широте распространения колющего длиннодревкового оружия среди ногаев. Кроме того, в большинстве случаев невозможно достоверно установить время появления соответствующих «копейных» сюжетов в эпических произведениях, сформированных из разновременных вставок.

Значительно более информативны изобразительные материалы, представленные османскими книжными миниатюрами, а также европейскими гравюрами, графическими и цветными рисунками, живописью. Как показал первичный анализ, изобразительные источники хорошо коррелируются с рассмотренными в настоящей статье письменными свидетельствами современников. В работах художников XVI – первой половины XVII вв. копейщики Крымского ханства встречаются крайне редко. Из более чем 200 репрезентативных изображений татарских и ногайских воинов копьями снабжены менее 9 % степняков (Бобров, 2016: 227, 228).¹ В качестве основного оружия татар в большинстве случаев показаны луки и стрелы. Этот факт выглядит тем более впечатляющим, если учитывать, что на многих картинах и миниатюрах приведены изображения не рядовых ополченцев, а аристократов и их дружинников, то есть тех категорий степных воинов, которые в более ранние исторические периоды относительно активно применяли длиннодревковое оружие (Бобров, 2016: 221, 226, 228–231, 234, 236, 241, 263, 287, 336). Более подробно изобразительные материалы по крымско-татарскому и ногайскому колющему длиннодревковому оружию XVI – первой половины XVII вв. будут проанализированы в специальной работе.

4. Заключение

На основании анализа собранных материалов установлено, что сведения о колющем длиннодревковом оружии и копейном бое крымских татар и ногаев XV – середины XVII вв. содержатся в различных европейских, русских, османских и крымско-татарских письменных источниках указанного периода. В латинских текстах длиннодревковое оружие тюркских кочевников Восточной Европы фигурирует под названием «hasta», в английских – «lance», «horseman's staff», итальянских – «lanza», русских – «копье» и т.д. В произведениях польских авторов XVI – первой половины XVII вв. обычно используется термин «корье», а позднее общеупотребительным становится калмыцкий термин «dzid».

Известные материалы позволяют сделать вывод о том, что крымскими татарами XVI – середины XVII вв. применялись различные виды колющего длиннодревкового оружия, предназначенные для ближнего и дистанционного боя. Подробные описания татарских копий и дротиков в большинстве письменных источников отсутствуют. Лишь Д. Флетчер обращает внимание читателя на схожесть татарских ударных копий (horseman's staff) с рогатинами, «с которыми ходят на медведей», что дает основание полагать, что некоторые образцы крымского длиннодревкового оружия могли иметь наконечник с широким листовидным пером. Кроме того, упоминания в текстах «коротких копий» («hasta») позволяет предположить наличие у воинов ханства колющего оружия с укороченным (в сравнении с европейскими аналогами) древком. Англичанин Д. Смит также отмечает плохую обработку древков копий простых татарских воинов.

По сравнению с золотоордынским военным искусством конца XIV в. значение панцирной копейной конницы в боевой практике Крымского ханства XVI в. в силу различных причин существенно снизилось. В результате многие современники не посчитали нужным включить копья и пики в перечень основного оружия крымских татар (П. Иовий, М. Бельский, А. Тарановский и др.), а некоторые даже прямо отрицали само наличие ударных копий и пик, а также соответствующих приемов конного копейного боя у тюркских кочевников региона (С. Герберштейн, М. Литвин, Б. Вижинер). И хотя колющее длиннодревковое оружие продолжало применяться татарами и ногаями на протяжении всего рассматриваемого времени, оно имело весьма ограниченное (в отдельные периоды – незначительное) распространение. В целом, колющее длиннодревковое оружие ближнего боя существенно уступало по популярности саадакам, саблям и, возможно, различным видам ударно-дробящего оружия.

¹Для сравнения, панцири на изображениях имеются у менее 14 %, а сабли – у менее 50 % татарских и ногайских воинов (Бобров, 2016: 227, 228).

Основными потребителями копий и пик в войсках Крымского ханства XVI в. являлись состоятельные татарские воины, а также отдельные легковооруженные ополченцы. Данные о существовании в крымских войсках ударных отрядов конных копейщиков в проанализированных письменных материалах отсутствуют. В настоящее время нет оснований полагать, что немногочисленные воины с длиннодревковым оружием оказывали сколько-нибудь существенное влияние на тактику крымско-татарской конницы XVI в., основанной на сочетании маневренного лучного и сабельного боя. Вооруженные копьями и дротиками татарские всадники могли участвовать как в дистанционном бою, так и в последующей атаке с холодным оружием (в качестве поддержки конных сабельщиков и воинов с булавами, дубинами, топорами и маслаками). Для повышения устойчивости кавалерийских подразделений в ближнем бою лучше вооруженные всадники, оснащенные копьями и панцирями, могли сражаться в первых рядах атакующих крымско-татарских отрядов. «Преломив копьё», они имели возможность продолжить бой, используя саадак и саблю.

Некоторый рост значения колющего длиннодревкового оружия фиксируется в первой половине XVII в., однако данные изменения еще не носили по-настоящему масштабного характера и остались незамеченными многими современниками. По всей видимости, в первой половине XVII в. идея довооружения всадников кавалерийскими копьями была усвоена лишь отдельными степными (в первую очередь ногайскими) командирами, оценившими преимущества калмыцкого «копийного напуска». Распространение практики использования ударных копий и пик шло в армии Крымского ханства весьма неравномерно. Характерно в данной связи, что если под Берестечком (1651 г.) и Варшавой (1656 г.) татарско-ногайские копейщики обратили на себя внимание участников сражений, то в битве под Конотопом (1659 г.) они были практически не заметны.

Свидетельства современников об относительно слабом распространении колющего длиннодревкового оружия среди крымских татар рассматриваемого периода подтверждаются видами ранений русских, польских и литовских воинов в боях с татарами. Так, например, в упомянутом сражении под Конотопом 28 июня 1659 г. абсолютное большинство ран было нанесено саблями – 321 (47,91 %) и стрелами – 277 (41,34 %). Оставшиеся 10,75 % ранений являлись следствием воздействия огнестрельного, ударно-дробящего и др. оружия. Характерно, что из 670 ранений нет ни одного нанесенного татарским копьём или пикой. Даже если отнести к категории колющих, пять ран, полученных русскими служилыми от ударов «знамен» и «бунчуков», то они составляют лишь 0,75 % от общего числа ранений московских воинов в данном сражении.

Важные изменения в оружейном комплексе Крымского ханства начали происходить с начала 60-х гг. XVII в. Судя по материалам письменных источников, централизованная политика массового оснащения (довооружения) татар копьями и пиками в данный период была обусловлена, в первую очередь, необходимостью противодействия калмыцкой коннице, воины которой широко применяли колющее длиннодревковое оружие.

5. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

Литература

Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: «Эльбрус», 1974. 635 с.

Английские путешественники, 1937 – Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л.: «Печатный двор», 1937. 308 с.

Бабулин, 2009a – *Бабулин И.Б.* Битва под Конотопом 28 июня 1659 года. М.: Издательство «Цейхгауз», 2009. 48 с.

Бабулин, 2009b – *Бабулин И.Б.* Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 168 с.

Бабулин, 2015 – *Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. 400 с.

Герберштейн, 1908 – *Барон Сигизмунд Герберштейн.* Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб.: типография А.С. Суворина, 1908. 382 с.

Биарсланов, 1889 – *Биарсланов М.-Б.* Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 г. хиджры (1608 (9) – 1613 г. хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления // *Известия таврической ученой архивной комиссии.* № 8. Симферополь: Типография газеты «Крым», 1889. С. 41–51.

Бобров, 2012 – *Бобров Л. А.* Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX вв. // *Война и оружие. Новые исследования и материалы.* Ч. I. СПб.: «ВИМАИВиВС», 2012. С. 105–135.

Бобров, 2013 – *Бобров Л.А.* Техника конного копейного боя кочевников Центральной и Средней Азии XVII – середины XIX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История.* № 3, 2013. С. 216–221.

Бобров, 2014 – Бобров Л.А. «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661 – январь 1663 гг.) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань, 2014. № 6. С. 239–249.

Бобров, 2016 – Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388. URL: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov> (28.03.2016).

Бобров, 2017 – Бобров Л.А. Тактическое искусство древних тюрков VI – первой половины VIII вв. // *Материалы II форума гуманитарных наук «Великая степь»*. Астана: «Гылым», 2017. С. 85–96.

Бобров и др., 2010 – Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в позднее Средневековье и Новое время. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. 288 с.

Бобров, Рюмшин, 2015 – Бобров Л.А., Рюмшин М.А. «...И против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // *Золотоордынская цивилизация*, 2015, № 8. С. 357–378.

Бобров, Худяков, 2002 – Бобров Л. А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // *Военное дело nomadov Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 106–168.

Бобров, Худяков, 2010 – Бобров Л. А., Худяков Ю.С. Копья с завитками-отрожками как пример взаимовлияния русских, тюркских и монгольских военно-культурных традиций на территории Южной Сибири XVII–XVIII вв. // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2010. Т. 9. Вып. 3. С. 174–181.

Бобров, Худяков, 2008 – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Боплан, 2004 – Боплан Г. Описание Украины. М.: «Древлехранилище», 2004. 576 с.

Броневский, 1867 – Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса. 1867. Т. 6. С. 333–367.

Введенский, 2003 – Введенский Г.Э. Янычары. СПб.: ООО «ТПГ «Атлант», 2003. 176 с.

Вирьский, 2016 – Вирьский Д. Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.). Киев: Інститут історії України НАН України, 2016. 299 с.

Гайворонский, 2010 – Гайворонский О. Повелители двух материков. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010. Том. 1. 400 с.

Гваньїні, 2007 – Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії. Киев.: Вид. дім «Кієво-Могилянська академія», 2007. 1006 с.

Горбунов, 2003 – Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Ч. 1. 174 с.

Горбунов, 2006 – Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов, 2013 – Горбунов В.В. Комплекс вооружения и тактика тюркской конницы // *Война и оружие*. Новые исследования и материалы. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. I. С. 396–415.

Горелик, 1993 – Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие –IV в. до н.э.). М.: «Наука», 1993. 349 с.

Городцов, 1913 – Городцов В.А. Описание холодного оружия Исторического музея // *Труды Исторического музея*. М.: Синодальная типография, 1913. 38 с.

Дмитриев, 2003 – Дмитриев С.В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // *Тюркологический сборник. Россия и тюркский мир*. М.: «Восточная литература», 2003. С. 210–228.

Зайцев, 2003 – Зайцев И.В. Крымские ханы: портреты и сюжеты // *Восточная коллекция*, 2003, № 2 (13). С. 86–93.

Зайцев, 2004 – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2004. 303 с.

Зайцев, 2008 – Зайцев И.В. Три заметки к эпиграфике крымских Гиреев // *Эпиграфика Востока*. М., 2008. № XXVII. С. 147–155.

Зайцев, 2010 – Зайцев И.В. «Бектерь сыдавной» // *Батьыр*, 2010, № 1. С. 126–127.

Записки. 2007 – Записки Якуба Лося // *Армии и битвы*, 2007, № 8. С. 10–21.

Золотая Орда, 2003 – Золотая Орда в источниках. М.: Наука, 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. 448 с.

Золотая Орда, 2009 – Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. Т. 3. М.: Наука, 2009. 336 с.

История Казахстана, 2007 – История Казахстана в персидских источниках. Извлечение из сочинений XIII–XIX вв.: в 5 т. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. 5. 476 с.

- История, 1872** – История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань в лето от Р.Х. 1677 // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. 8, 1872. С. 479–488.
- Шараф ад-Дин, 2008** – *Йазди Шараф ад-Дин Али*. Зафар-наме. Ташкент: «SANAT», 2008. 486 с.
- Калашников, 2013** – *Калашников В.М.* Прародитель американской литературы и летописания Джон Смит о Крымском ханстве начала XVII столетия // *Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой половины XIX столетий)*. Днепропетровск, 2013. С. 7–39.
- Квитковский, 2002** – *Квитковский Ю.В.* Великолепные латники // *Армии и битвы*. 2002. № 1. С. 34–44.
- Колли, 1913** – *Колли Л.П.* Хаджи-Гирей хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке // *Известия Таврической учетной архивной комиссии*. Симферополь, 1913. Том 50. С. 99–139.
- Кондараки, 1875** – *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. СПб, 1875. Ч. 10. С. 30
- Кочкаров, 2008** – *Кочкаров У.Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: «ТАУС», 2008. 176 с.
- Куц, 2014** – *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М.: ООО «Старая Басманная», 2014. 596 с.
- Кушкумбаев, 2001** – *Кушкумбаев А.К.* Военное дело казахов XVII– XVIII вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
- Кырымлы Хаджи, 1998** – *Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи*. Книга побед. Симферополь: «Крымучпедгиз», 1998. 72 с.
- Литвин, 1890** – *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. I. (XVI ст.). С. 6–58.
- Литвин, 1994** – *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Издательство МГУ, 1994. 151 с.
- Мемуары, 1890** – Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I (XVI ст.). Киев, 1890. 136 с.
- Меховский, 1936** – *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 301 с.
- Мицик, 2002** – *Мицик Ю.А.* Умань козацька і гайдамацька. К.: Видавничий дім «КМ Академія», 2002. 186 с.
- Мицик, 2005** – *Мицик Ю.* Чуднівська та Слободищенська битви 1660 р. на сторінках «Віршованої хроніки» // *Архіви України*. 2005. № 4. С. 76–103.
- Московское государство, 2000** – *Московское государство XV–XVII вв.* по сказаниям современных иностранцев. М.: «Крафт+», 2000. 248 с.
- Муфтийзаде, 1899** – *Муфтийзаде И.М.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 годы (по архивным материалам) // *Известия Таврической ученой комиссии*. Симферополь, 1899. № 51. С. 1–24.
- Николле, 2004** – *Николле Д.* Янычары. М., 2004. 72 с.
- Олеарий, 2003** – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. 480 с.
- Описание, 1879** – Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625 // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1879. Т. XI. С. 473–493.
- Памятники, 1884** – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Том 1. С 1474 по 1505 годы, эпоха свержения монгольского ига в России (Сборник императорского русского исторического общества, Том 41). СПб. 1884. 538 с.
- Пенской, 2010** – *Пенской В.В.* Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. // *Восток (Oriens)*. 2010, № 2. С. 56–66.
- Петрей, 1997** – *Петрей П.* О начале войн и смут в Московии. М.: «Фонд Сергея Дубова», 1997. 560 с.
- Полное собрание, 1904** – Полное собрание русских летописей. СПб, 1904. Т. 13. 302 с.
- Посольская книга, 2016** – *Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг.* М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.
- Путешествие, 2006** – Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т.д. // *Историческое наследие Крыма*, 2006. № 12–13. С. 184–207.
- Рустемов, 2016** – *Рустемов О.Д.* Судебные реестры бахчисарайского кадылыка XVII–XIX вв.: язык и структура документов «Кысмет-и Меварис» («Доля наследников») // *Золотоордынское обозрение*. 2016. Т. 4. № 4. С. 814–831.
- Сальников, 2014** – *Сальников А.В.* Иранские образцы вооружения в комплексе вооружения народов Северного Кавказа рубежа XIII – XIV столетия // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 5. С. 70–72.

- Сальников, 2014** – Сальников А.В. Золотоордынский аспект влияния на вооружение народов Северного Кавказа XIII–XV вв. // *Глобальный научный потенциал*. 2014. № 11. С. 70–72.
- Сальников, 2015** – Сальников А.В. К вопросу о распространении на территории Северного Кавказа булата и иностранного вооружения в период позднего Средневековья – Нового времени // *Научно-информационный журнал «Армия и общество»*. 2015. № 5 (48). С. 39–44.
- Сальников, 2015** – Сальников А.В. О путях распространения золотоордынского и центральноазиатского вооружения среди народов Северного Кавказа XIII–XV вв. // *Перспективы науки*. 2015. № 5 (68). С. 49–52.
- Селиверстов, 2011** – Селиверстов Д.А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 183–198.
- Селиверстов, 2015** – Селиверстов Д.А. Войны и войско Дмитрия Донского // *Золотоордынская цивилизация*. Казань, 2015. № 8. С. 222–284.
- Сикалиев, 1994** – Сикалиев А.И. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. 328 с.
- Скальковский, 1846** – Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Часть III. Одесса, 1846. 294 с.
- Стрийковський, 2011** – Стрийковський М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011. 1091 с.
- Перо, 2006** – Тафур Перо. Странствия и путешествия. М.: Индрик, 2006. 326 с.
- Тепкеев, 2012** – Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста, 2012. 376 с.
- Трепавлов, 2013** – Трепавлов В.В. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
- Флетчер, 1991** – Флетчер Д. О государстве русском // Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991. С. 25–138.
- Харламов, 2015** – Харламов П.В. Древковое вооружение кочевников Волго-Уральского региона в X–XIV вв. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17. № 3. С. 576–585.
- Храпунов, Храпунова, 2015** – Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // *Золотоордынское обозрение*, 2015, № 4. С. 151–168.
- Храпунов, Храпунова, 1986** – Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Известие о Крыме у Франческо Альгаротти // *Золотоордынское обозрение*, 2017. Т. 5. № 3. С. 612–628.
- Худяков, 1986** – Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Н.: Наука, 1986. 269 с.
- Челеби, 1979** – Челеби Э. Книга путешествия (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 288 с.
- Чхаидзе, Дружинина, 2014** – Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // *Поволжская археология*. № 2. 2014. С. 171–178.
- Bobrov, Salnikov, 2016** – Bobrov L.A., Salnikov A.V. North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapı Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4: 323–334.
- Bobrov, Salnikov, 2018** – Bobrov L.A., Salnikov A.V. "Circassian" Helmets with Plated Mailaventails of the Late Middle Ages and Early Modern Times // *Bylye Gody*. 2018. 47(1). С. 5–33.
- Bielski, 1856** – Bielski M. Kronika polska Marcina Bielskiego. Т. 2. Sanok, 1856. 1222 p.
- Broniouii, 1595** – Broniouii M. Tartariae descriptio. Coloniae, 1595. 75 p.
- Herberstein, 1556** – Herberstein S. Rerum moscoviticarum commentarii. Basiliae, 1556. 227 p.
- Herberstein, 1557** – Herberstein S. Moscovia, der Hauptstat in Reissen. Wien, 1557. 184 p.
- Inalcik, 1979-1980** – Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 3–4, 1979-80. pp. 445–466.
- Kubala, 1910** – Kubala L. Wojna Brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656-1657, Lwów Ossolineum 1910. 524 p.
- Litvin, 1605** – Litvin M. De moribus Tartarorum, Litanorum et Moschorum. Basiliae, 1605. 64 p.
- Nagielski, 1998** – Nagielski M. Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu "Ogniem i Mieczem" (1648–1651). Warszawa, 1998. 430 s.
- Pamiętniki, 1858** – Pamiętniki Losia, towarzysza choragvi pancерnej Władysława Margrabi Myszkowskiego, wojewody krakowskiego, obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667. Krakow, 1858. 119 p.
- Polska historia, 1928** – Polska historia wojskowa w wypisach źródłowych, red. O. Laskowski, B. Pawłowski. Warszawa, 1928. 314 p.
- Radziwiłł, 1841** – Radziwiłł B. Żywot xięcia Bogusława Radziwiłła, przez niego napisany. Poznań, 1841. 53 p.

Relatione Fatta, 1834 – Relatione Fatta da me Frà Giovanni dá Lucca Domenicano circa il modo di vivere colle particolarità de' costumi delli Tartari Percopiti, Nogai, Circassi, Abbazzà etc. Mangrilli e Giorgiani // *Bibliographia Critica delle Antiche Reciproche Corrispondenze*. T. II. Firenze, 1834. pp. 53–62.

Relations de divers, 1664 – Relations de divers voyages curieux, qui nont point este publiees. Paris, 1664. 1248 p.

Stauffer, 2007 – *Stauffer H.* Sigmund von Birken (1626–1681). Morpologie seines Werks. Tubingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. Band I. 1285 p.

Vigenere, 1573 – *Vigenere B.* La description dy Royaume de Pologne. Paris, 1573.

Wagner, 2012 – *Wagner M.* Kawaleria koronna w dobie panowania Jana III Sobieskiego. Lata 1683–1696 // *Do szarzy marsz, marsz... Studia z dziejów kawalerii*. Tom 3. Pod red. Aleksandra Smolińskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. pp. 67–112.

Wójcicki, 1856 – *Wójcicki K.W.* Archiwum domowe do dziejów i literatury krajowej z rękopisów i dzieł najrzadszych. Warszawa, 1856. 578 p.

References

Adygs, Balkarians and Karachais, 1974 – Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th-19th centuries]. Nalchik: "Elbrus". 635 p. [in Russian]

English travelers, 1937 – Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English travelers in the Moscow state in the 16th century]. L.: "Printing Yard". 308 p. [in Russian]

Babulin, 2009a – *Babulin I.B.* (2009). Bitva pod Konotopom 28 iyunya 1659 goda [The Battle of Konotop on June 28, 1659]. M.: Publishing House "Zeikhhaus". 48 p. [in Russian]

Babulin, 2009b – *Babulin I.B.* (2009). Knyaz' Semen Pozharskij i Konotopskaya bitva [Prince Semyon Pozharsky and the Battle of Konotop]. St. Petersburg: Society of the Memory of the Abbess of Taisia. 168 p. [in Russian]

Babulin, 2015 – *Babulin I.B.* (2015). Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.) [The struggle for Ukraine and the Battle of Konotop (1658-1659 gg.)]. Moscow: The Russian Knights Foundation. 400 p. [in Russian]

Herberstein, 1908 – *Baron Sigismund Herberstein* (1908). Zapiski o moskovitskih delah. Pavel Iovij Novokomskij. Kniga o moskovitskom posol'stve [Notes on Muscovite affairs. Pavel Iovius of Novokomsky. The book is about the Muscovite embassy]. SPb.: printing house AS. Suvorin. 382 p. [in Russian]

Biarlanov, 1889 – *Biarlanov M.-B.* (1889). Vypisi iz kadiaskerskago sakka (knigi) 1017–1022 g. hidzhry (1608(9) – 1613 g. hr.let.), hranyashchagosya v arhive Tavricheskogo gubernskogo pravleniya [The extracts from the kadiasker Sakka (books) of 1017-1022 AH (1608 (9) – 1613 BC), kept in the archives of the Tavrichesky provincial government]. *News of the Taurida Academic Archival Commission*. № 8. Simferopol: Printing house of the newspaper "Crimea". pp. 41-51. [in Russian]

Bobrov, 2012 – *Bobrov L.A.* (2012). Kazahskaya taktika vedeniya boya v peshem stroyu v poslednej treti XVI – seredine XIX vv. [The Kazakh tactics of conducting combat in the foot in the last third of the XVI – the middle of the XIX centuries]. War and weapons. New research and materials. C.I. SPb: "VIMAIViVS". pp. 105-135. [in Russian]

Bobrov, 2013 – *Bobrov L.A.* (2013). Tekhnika konnogo kopejnogo boya kochevnikov Central'noj i Srednej Azii XVII – serediny XIX v. [Technique of equestrian kopey fight of nomads of Central and Middle Asia XVII-middle of XIX century]. *Bulletin of Tomsk State University. History*. No. 3. pp. 216-221. [in Russian]

Bobrov, 2014 – *Bobrov L.A.* (2014). «Voron'ya staya» nad Krymom. Tatarsko-kalmyckoe protivoborstvo v stepyah Severnogo Prichernomor'ya (sentyabr' 1661 – yanvar' 1663 gg.) ["Crow crow" over the Crimea. Tatar-Kalmyk confrontation in the steppes of the Northern Black Sea (September 1661 – January 1663)]. *Medieval Turkic-Tatar states*. Kazan. № 6. pp. 239-249. [in Russian]

Bobrov, 2016 – *Bobrov L.A.* (2016). Takticheskoe iskusstvo krymskih tatar i nogaev konca XV – serediny XVII vv. [Tactical art of the Crimean Tatars and Nogais of the end of the XV – the middle of the XVII centuries]. *History of military affairs: research and sources*. Special issue G. Standing on the river Ugra 1480-2015. Part II. pp. 210-388. [Electronic resource]. URL: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov> (28.03.2016). [in Russian]

Bobrov, 2017 – *Bobrov L.A.* (2017). Takticheskoe iskusstvo drevnih tyurkov VI – pervoj poloviny VIII vv. [Tactical art of the ancient Türks of the VI – first half of the VIII cc.]. *Proceedings of the II forum of the humanities "Great Steppe"*. Astana: Gylym. pp. 85-96.

Bobrov i dr., 2010 – *Bobrov L.A., Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S.* (2010). Vzaimodejstvie tyurkskih i mongol'skih narodov s ruskimi v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremya [The interaction of the Turkic and Mongolian peoples with the Russians in the late Middle Ages and New time]. Novosibirsk: Izd-vo NSU. 288 p. [in Russian]

Bobrov, Ryumshin, 2015 – *Bobrov L.A., Ryumshin M.A.* (2015). [«...I protiv nih ne staivali oni nigde i bit'sya s nimi ne umeyut». Oruzhejnyj i voenno-takticheskij aspekt kalmycko-nogajskih i kalmycko-tatarskih vojn pervoj poloviny – serediny XVII v.] ["... And they did not get stuck with them anywhere and they do not know how to fight with them." The weapons and military-tactical aspect of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar wars of the first half – the middle of the XVII century]. *Goldordin civilization*. №8. pp. 357-378. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2002 – *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2002). Zashchitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voina perioda pozdnego Srednevekov'ya [Protective armament of the Middle Asian warrior of the late Middle Ages]. *Military Affairs of the nomads of North and Central Asia*. Novosibirsk: NSU. pp. 106-168. [in Russian].

Bobrov, Khudyakov, 2010 – *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2010). Kop'ya s zavitkami-otrozhkami, kak primer vzaimovlianiya russkih, tyurkskih i mongol'skih voenno-kul'turnyh tradicij na territorii YUzhnoj Sibiri XVII–XVIII vv. [Spears with curls-sprouts, as an example of the mutual influence of Russian, Turkic and Mongolian military-cultural traditions in the territory of Southern Siberia XVII-XVIII centuries]. *Bulletin of NSU. Ser.: History, philology*. T. 9. Is. 3. pp. 174-181. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2008 – *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov Central'noj Azii i YUzhnoj Sibiri v ehphu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Arms and tactics of nomads of Central Asia and Southern Siberia during the late Middle Ages and early Modern times (XV – first half of the XVIII century)]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. 776 p. [in Russian]

Boplan, 2004 – *Boplan G.* (2004). Opisanie Ukrainy [Description of Ukraine]. Moscow: "Drevleshranilishche". 576 p. [in Russian]

Broniewski, 1867 – *Broniewski M.* (1867). Opisanie Kryma (Tartariae Descriptio) Martina Bronevskogo [Description of the Crimean (Tartariae Descriptio) by Martin Bronevsky]. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa. T. 6. pp. 333-367. [in Russian]

Vvedensky, 2003 – *Vvedensky G.E.* (2003). Yanychary [Janissaries]. SPb.: OOO "TPG Atlant". 176 p. [in Russian]

Virsky, 2016 – *Virsky D.* (2016). Vijni ukrainni: hroniki tatar'skogo prikordonnya Ukraini (XVI–seredina XVII st.) [Warriors: Chronicles of the Tatars border of Ukraine (XVI - middle of the XVII century)]. Kiev: Institute of History of Ukraine, NAS of Ukraine. 299 p. [in Ukrainian]

Gaivoronsky, 2010 – *Gaivoronsky O.* (2010). Poveliteli dvuh materikov. Krymskie hany XV–XVI stoletij i bor'ba za nasledstvo Velikoj Ordy [The Lords of Two Continents. Crimean khans of the XV–XVI centuries and the struggle for the inheritance of the Great Horde]. Bakhchisarai: Bakhchisarai Historical and Cultural Reserve, Vol. 1. 400 p. [in Russian]

Gwangini, 2007 – *Gwangin O.* (2007). Hronika evropejs'koï Sarmatii [Chronicle of European Sarmatia]. Kiev.: View. House "Kyiv-Mohyla Academy". 1006 p. [in Ukrainian]

Gorbunov, 2003 – *Gorbunov V.V.* (2003). Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Oboronitel'noe vooruzhenie (dospek) [The military business of the Altai population in the III-XIV centuries. Defensive weapons (armor)]. Barnaul: Publishing house Alt. state. Un-ta. Part 1. 174 p. [in Russian]

Gorbunov, 2006 – *Gorbunov V.V.* (2006). Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. [The military business of the Altai population in the III-XIV centuries]. Part II. Offensive weapons (weapons). Barnaul: Publishing house Alt. University. 232 p. [in Russian]

Gorbunov, 2013 – *Gorbunov V.V.* (2013). Kompleks vooruzheniya i taktika tyurkskoj konnicy [Armament complex and tactics of the Turkic cavalry]. War and weapons. New research and materials. SPb.: VIMAIViVS. Part I. I. pp. 396-415. [in Russian]

Gorelik, 1993 – *Gorelik M.V.* (1993). Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV v. do n.eh.) [Weapons of the ancient East (IV millennium-IV century BC)]. Moscow: Nauka. 349 p. [in Russian]

Gorodtsov, 1913 – *Gorodtsov V.A.* (1913). Opisanie holodnogo oruzhiya Istoricheskogo muzeya [Description of the Cold Steel of the Historical Museum]. Proceedings of the Historical Museum. Moscow: Synodal Printing House. 38 p. [in Russian]

Dmitriev, 2003 – *Dmitriev S.V.* (2003). Krymskoe hanstvo v voennom otnoshenii (XVI–XVIII vv.) [Crimean Khanate in the Military Relation (XVI-XVIII centuries)]. *Türkological Collection. Russia and the Turkic world*. M.: "Eastern Literature". pp. 210-228. [in Russian]

Zaitsev, 2003 – *Zaitsev I.V.* (2003). Krymskie hany: portrety i syuzhety [Crimean khans: portraits and plots]. *East collection*. № 2 (13). pp. 86-93. [in Russian]

Zaitsev, 2004 – *Zaitsev I.V.* (2004). Astrahanskoe hanstvo [The Astrakhan Khanate]. M.: Publishing firm "Eastern Literature". 303 p. [in Russian]

Zaitsev, 2008 – *Zaitsev I.V.* (2008). Tri zametki k ehpigrafiye krymskih Gireev [Three notes to the epigraphy of the Crimean Gireys]. *Epigraphy of the East*. M. No. XXVII. pp. 147-155. [in Russian]

Zaitsev, 2010 – *Zaitsev I.V.* (2010). «Bekter' sydavnoj» ["Bekter syvdavnoj"]. *Batyr*. No. 1. pp. 126-127. [in Russian]

Notes, 2007 – Zapiski Yakuba Losya [Notes of Yakub Losya]. *The Army and the Battle*. No. 8. pp. 10-21. [in Russian].

- Golden Horde, 2003** – Zolotaya Orda v istochnikah [The Golden Horde in the Sources]. M.: Nauka. T. 1. Arabian and Persian writings. 448 p. [in Russian]
- The Golden Horde, 2009** – Zolotaya Orda v istochnikah [The Golden Horde in the Sources]. Chinese and Mongolian sources. T.3. M.: Nauka. 336 p. [in Russian]
- History of Kazakhstan, 2007** – Istoriya Kazahstana v persidskih istochnikah [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Extract from the works of the XIII-XIX centuries: in 5 tons Almaty: Dyke-Press. T. 5. 476 p. [in Russian]
- History, 1872** – Istoriya o prihode tureckogo i tatarskogo voinstva pod Astrahan' v leto ot R.H. 1677 [The story of the arrival of the Turkish and Tatar army to Astrakhan in the summer of R.Kh. 1677]. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. T. 8. pp. 479-488. [in Russian]
- Sharaf al-Din, 2008** – Yazdi Sharaf al-Din Ali (2008). Zafar-name [Zafar-name]. Tashkent: "SANAT". 486 p. [in Russian]
- Kalashnikov, 2013** – *Kalashnikov V.M.* (2013). Praroditel' amerikanskoj literatury i letopisaniya Dzhon Smit o Krymskom hanstve nachala XVII stoletiya [Progenitor of American literature and the chronicles of John Smith about the Crimean Khanate of the beginning of the XVII century]. British view of the Crimea (chronicles, memoirs, diaries XVII – the first half of the XIX century). Dnepropetrovsk. pp. 7-39. [in Russian]
- Kvitkovsky, 2002** – *Kvitkovsky Yu.V.* (2002). Velikolepnye latniki [Excellent armies]. *The army and the battle*. No. 1. pp. 34-44. [in Russian]
- Collie, 1913** – *Collie L.P.* (1913). Hadzhi-Girej han i ego politika (po genuehzskim istochnikam). Vzglyad na politicheskie snosheniya Kafy s tatarami v XV veke [Khadzhi-Girey Khan and his policy (according to Genoese sources). A look at the political relations of Kafa with the Tatars in the 15th century]. [*News of the Tauride Accounting Archive Commission*. Simferopol. Volume 50. pp. 99-139. [in Russian]
- Kondaraki, 1875** – *Kondaraki V.Kh.* (1875). Universal'noe opisanie Kryma [Universal description of the Crimea]. St. Petersburg. Part 10. P. 30. [in Russian]
- Kochkarov, 2008** – *Kochkarov U.Yu.* (2008). Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya) [Armament of the soldiers of the North-Western Ciscaucasia of the VIII-XIV centuries. (melee weapons)]. Moscow: "TAUS". 176 p. [in Russian]
- Kuts, 2014** – *Kuts O.Yu.* (2014). Donskoe kazachestvo vremeni Azovskoj ehpopoi i 40-h gg. XVII v.: politicheskaya i voennaya istoriya [The Don Cossacks of the time of the Azov epic and the 40's. XVII century: political and military history]. M.: Open Company "Old Basmannaya". 596 p. [in Russian]
- Kushkumbaev, 2001** – *Kushkumbaev A.K.* (2001). Voennoe delo kazahov XVII–XVIII vv. [The military work of Kazakhs of the XVII–XVIII centuries]. Almaty: Dyke-Press. 172 p. [in Russian]
- Krimly Haji, 1998** – *Krimly Haji Mehmed Senai* (1998). Kniga pobed [The Book of Victories]. Simferopol: "Krymchpedgiz". 72 p. [in Russian]
- Litvin, 1890** – *Litvin M.* (1890). O nrvah tatar, litovcev i moskovityan [On the mores of the Tatars, Lithuanians and Muscovites]. Memoirs relating to the history of Southern Russia. Kiev, 1890. Is. I. (XVI century). pp. 6-58. [in Russian]
- Memoirs, 1890** – Memuary, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoj Rusi [Memoirs relating to the history of Southern Russia]. Is. I (XVI century). Kiev. 136 p. [in Russian]
- Mekhovskiy, 1936** – *Mekhovskiy M.* (1936). Traktat o dvuh Sarmatiyah [A Treatise on Two Sarmatians]. M.-L. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 301 p. [in Russian]
- Litvin, 1994** – *Mikhalon Litvin* (1994). Mihalon Litvin: O nrvah tatar, litovcev i moskovityan [On the customs of the Tatars, Lithuanians and Muscovites]. Moscow: Publisher MSU. 151 p. [in Russian]
- Mytsyk, 2002** – *Mytsyk Yu.A.* (2002). Uman' kozac'ka i gajdamac'ka [Uman is a Cossack and Haydamak]. K.: Publishing House "KM Academy". 186 p. [in Ukrainian]
- Mytsyk, 2005** – *Mytsyk Y.* (2005). Chudnivs'ka ta Slobodishchens'ka bitvi 1660 r. na storinkah «Virshovanoi hroniki» [Chudnovskaya and Slobodyshe battle of 1660 on the pages of "The Chronicle of Victims"]. *Archives of Ukraine*. №4. pp. 76-103. [in Ukrainian]
- Moscow State, 2000** – Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vv. po skazaniyam sovremennyh inostrancev [Moscow State of the XV-XVII centuries according to the tales of modern foreigners]. Moscow: Kraft +. 248 p. [in Russian]
- Muftizade, 1899** – *Mufti Zade I.M.* (1899). Ocherk voennoj sluzhby krymskih tatar s 1783 po 1899 god (po arhivnym materialam) [An outline of the military service of the Crimean Tatars from 1783 to 1899 (according to archival materials)]. *Izvestia of the Tavrichesky Academic Commission*. Simferopol. № 51. pp. 1-24. [in Russian]
- Nicholl, 2004** – *Nicholl D.* (2004). Janychary [Yanychary]. M. 72 p. [in Russian]
- Olearii, 2003** – *Oleary A.* (2003). Opisanie puteshestviya v Moskoviyu [Description of the trip to Muscovy]. Smolensk. 480 p. [in Russian]
- Description, 1879** – Opisanie perekopskih i nogajskih tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de Lyuka, monaha Dominikanskogo ordena. 1625 [Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrels and Georgians Jean de Luke, monk of the Dominican Order. 1625]. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa. T. XI. pp. 473-493. [in Russian]

Monuments, 1884 – Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagajskoyu ordami i s Turciej [Monuments of diplomatic relations of the Moscow State with the Crimean and Nagay hordes and with Turkey]. Volume 1. From 1474 to 1505, the era of the overthrow of the Mongol yoke in Russia. (Collection of the Imperial Russian Historical Society, Vol. 41). St. Petersburg. 538 p. [in Russian]

Penskoy, 2010 – *Penskoy V.V.* (2010). Voennyj potencial Krymskogo hanstva v konce XV– nachale XVII v. [Military potential of the Crimean Khanate in the late XV-early XVII century]. *Orient (Oriens)*. №2. pp. 56-66. [in Russian]

Petrey, 1997 – *Petrey P.* (1997). O nachale vojn i smut v Moskovii [About the beginning of wars and trouble in Muscovy]. M.: "Sergei Dubov Foundation". 560 p.

Complete Collection, 1904 – Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg. T. 13. 302 p. [in Russian]

Posolskaya book, 2016 – Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg. [The ambassador's book on the relations of the Moscow state with the Crimea. 1567-1572 years]. M.: Fund "Russian Knights". 400 p. [in Russian]

Travel, 2006 – Puteshestvie g-na O.de lya Motre po Evrope; geograficheskie, istoricheskie i politicheskie issledovaniya v Italii, Grecii, Turcii, v Tartarii (Krymu) i t.d. [Travel of Mr. O. de la Motre to Europe; geographical, historical and political studies in Italy, Greece, Turkey, Tartarus (Crimea), etc.]. *Historical heritage of the Crimea*. № 12-13. pp. 184-207. [in Russian]

Rustemov, 2016 – *Rustemov O.D.* (2016). Sudebnye reestry bahchisarajskogo kadylyka XVII-XIX vv.: yazyk i struktura dokumentov «Kysmet-i Mevaris» («Dolya naslednikov») [Judicial registers of the Bakhchisaray kadylyk of the 17th-19th centuries: the language and structure of the documents "Kysmet-i Mevaris" ("The Share of Successors")]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. Vol. 4, No. 4. pp. 814-831. [in Russian]

Salnikov, 2014 – *Salnikov A.V.* (2014). Iranskije obrazcy vooruzheniya v komplekse vooruzheniya narodov Severnogo Kavkaza rubezha XIII-XIV stoletiya [Iranian models of weapons in the armament complex of the North Caucasus peoples at the turn of the 13th-14th century]. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. №5. pp. 70-72. [in Russian]

Salnikov, 2014 – *Salnikov A.V.* (2014). Zolotoordynskij aspekt vliyaniya na vooruzhenie narodov Severnogo Kavkaza XIII-XV vv. [The Golden Horde aspect of the influence on the armament of the peoples of the North Caucasus XIII-XV centuries]. *Global scientific potential*. №11. pp. 70-72. [in Russian]

Salnikov, 2015 – *Salnikov A.V.* (2015). K voprosu o rasprostraneni na territorii Severnogo Kavkaza bulata i inostrannogo vooruzheniya v period pozdnego srednevekov'ya – novogo vremeni [On the issue of the proliferation of bulat and foreign weapons in the North Caucasus during the late Middle Ages – the New Era]. *Scientific and Information Journal Army and Society*. No. 5 (48). pp. 39-44. [in Russian]

Salnikov, 2015 – *Salnikov A.V.* (2015). O putyah rasprostraneniya zolotoordynskogo i central'noaziatskogo vooruzheniya sredi narodov Cevernogo Kavkaza XIII-XV vv. [On the ways of distribution of the Golden Horde and Central Asian armaments among the peoples of the North Caucasus XIII-XV centuries]. *Perspectives of science*. № 5 (68). pp. 49-52. [in Russian]

Seliverstov, 2011 – *Seliverstov D.A.* (2011). Srazhenie pri Solhate (Kastadzone) 22 iyunya 1434 goda [The Battle of Solkhat (Castadzon) June 22, 1434]. Military of the Golden Horde: problems and prospects for studying. Kazan: LLC "Foliant", Institute of History. Sh. Mardzhani Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. pp. 183-198. [in Russian]

Seliverstov, 2015 – *Seliverstov D.A.* (2015). Vojny i vojsko Dmitriya Donskogo [The wars and army of Dmitry Donskoy]. *Zoltoorda civilization*. Kazan. № 8. pp. 222-284. [in Russian]

Sikaliev, 1994 – *Sikaliev A.I.* (1994). Nogajskij geroicheskiy ehpos [Nogai heroic epic]. Cherkessk. 328 p. [in Russian]

Skalkovsky, 1846 – *Skalkovsky A.* (1846). Istoriya Novoj Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo [The history of the New Sich or the last Kosha of Zaporozhye]. Part III. Odessa. 294 p. [in Russian]

Strykovsky, 2011 – *Strykovsky M.* (2011). Litopis pol's'kij, litovs'kij, zhuds'kij i vsieĭ Rusi [Chronicles of Polish, Lithuanian, Commute and All Russia]. Lviv. 1091 p. [in Ukrainian]

Perot, 2006 – *Tafur Perot* (2006). Stranstviya i puteshestviya [Wanderings and travel]. M.: Indrik. 326 p. [in Russian]

Tepkeev, 2012 – *Tepkeyev V.T.* (2012). Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroj treti XVII veka [Kalmyks in the Northern Caspian region in the second third of the XVII century]. Elista. 376 p. [in Russian]

Trepavlov, 2013 – *Trepavlov V.V.* (2013). «Orda samovol'naya»: kochevaya imperiya nogaev XV–XVII vv. ["Horde unauthorized": a nomadic empire of the Nogais XV-XVII centuries]. Moscow: Kvadriga. 224 p. [in Russian]

Fletcher, 1991 – *Fletcher D.* (1991). O gosudarstve russkom [About the state of Russian]. Passing through Muscovy. M.: International Relations. pp. 25-138. [in Russian]

Kharlamov, 2015 – *Kharlamov P.V.* (2015). Drevkovoe vooruzhenie kochevnikov Volgo-Ural'skogo regiona v X–XIV vv. [Pole armory of nomads of the Volga-Ural region in the 10th-14th centuries]. *Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. T. 17. № 3. pp. 576-585. [in Russian]

Khrapunov, Khrapunova, 2015 – *Khrapunov N.I., Khrapunova S.N.* (2015). Zapiski Dzhona Smita kak istochnik po istorii Krymskogo hanstva v nachale XVII v. [Notes of John Smith as a source on the history of

- the Crimean Khanate in the beginning of the XVII century]. *Zolotoordynskoye Obozreniye*. No. 4. pp. 151-168. [in Russian]
- [Khrapunov, Khrapunova, 1986](#) – *Khrapunov N.I., Khrapunova S.N.* (1986). Izvestie o Kryme u Franchesko Al'garotti [News of the Crimea by Francesco Algarotti]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. Vol. 5, No. 3. pp. 612-628. [in Russian]
- [Khudyakov, 1986](#) – *Khudyakov Yu.S.* (1986). Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii [Arms of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. N.: Nauka. 269 p. [in Russian]
- [Chelebi, 1979](#) – *Celebi E.* (1979). Kniga puteshestviya (Iz vlechenie iz sochineniya tureckogo puteshestvennika XVII v.). Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya [The book of travel (Extract from the work of a Turkish traveler of the XVII century.). The lands of the North Caucasus, the Volga and the Don region]. Is. 2. M.: The main edition of the eastern literature of the publishing house "Nauka". 288 p. [in Russian]
- [Chkhaidze, Druzhinina, 2014](#) – *Chkhaidze V.N., Druzhinina I.A.* (2014). Otrazhenie social'noj stratifikatsii v pogrebal'noj obryadnosti kochevnikov stepnogo Predkavkaz'ya zolotoordynskogo vremeni: prodolzhenie diskussii [Reflection of social stratification in funeral rites of nomads of the steppe Ciscaucasia of the Golden Horde time: continuation of the discussion]. *Volga archeology*. No. 2. pp. 171-178. [in Russian]
- [Bobrov, Salnikov, 2016](#) – *Bobrov L. A., Salnikov A.V.* (2016). North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use. *Bylye Gody*, Vol. 40, Is. 2. pp. 323-334. [in Russian]
- [Bobrov, Salnikov, 2018](#) – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* (2018). "Circassian" Helmets with Plated Mailventails of the Late Middle Ages and Early Modern Times. *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1. pp. 5-33. [in Russian]
- [Bielski, 1856](#) – *Bielski M.* (1856). Kronika polska Marcina Bielskiego. T. 2. Sanok. 1222 p. [in Polish]
- [Broniouii, 1595](#) – *Broniouii M.* (1595). Tartariae descriptio. Coloniae. 75 p. [in Latin]
- [Herberstein, 1556](#) – *Herberstein S.* (1556). Rerum moscoviticarum commentarii. Basiliae. 227 p. [in Latin]
- [Herberstein, 1557](#) – *Herberstein S.* (1557). Moscovia, der Hauptstat in Reissen. Wien. 184 p. [in German]
- [Inalcik, 1979-1980](#) – *Inalcik H.* (1979-1980). The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 3-4, 1979-80. pp. 445-466. [in English]
- [Kubala, 1910](#) – *Kubala L.* (1910). Wojna Brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656-1657, Lwów Ossolineum. 524 p. [in Polish]
- [Litvin, 1605](#) – *Litvin M.* (1605). De moribus Tartarorum, Litanorum et Moschorum. Basiliae. 64 p. [in Latin]
- [Nagielski, 1998](#) – *Nagielski M.* (1998). Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu "Ogniem i Mieczem" (1648-1651). Warszawa. 430 p. [in Polish]
- [Pamietniki, 1858](#) – *Pamietniki Losia, towarzysza choragvi pancernerj Wladyslawa Margrabi Myszkowskiego, wojewody krakowskiego, obejmujace wydarzenia od r. 1646 do 1667.* Krakow, 1858. 119 p. [in Polish]
- [Polska historia, 1928](#) – *Polska historia wojskowa w wypisach źródłowych*, red. O. Laskowski, B. Pawłowski. Warszakwa, 1928. 314 p. [in Polish]
- [Radziwiłł, 1841](#) – *Radziwiłł B.* (1841). Żywot xięcia Bogusława Radziwiłła, przez niego samego napisany. Poznań. 53 p. [in Polish]
- [Relatione Fatta, 1834](#) – *Relatione Fatta da me Frà Giovanni dá Lucca Domenicano circa il modo di vivere colle particolarità de' costumi delli Tartari Percopiti, Nogai, Circassi, Abbazzà etc. Mangrilli e Giorgiani.* *Bibliographia Critica delle Antiche Reciproche Corrispondenze*. T. II. Firenze, 1834. pp. 53-62. [in Italian]
- [Relations de divers, 1664](#) – *Relations de divers voyages curieux, qui nont point este publiees.* Paris, 1664. 1248 p. [in French]
- [Stauffer, 2007](#) – *Stauffer H.* (2007). Sigmund von Birken (1626-1681). Morpologie seines Werks. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. Band I. 1285 p. [in German]
- [Vigenere, 1573](#) – *Vigenere B.* (1573). La description dy Royaume de Pologne. Paris. [in French]
- [Wagner, 2012](#) – *Wagner M.* (2012). Kawaleria koronna w dobie panowania Jana III Sobieskiego. Lata 1683-1696. *Do szarzy marsz, marsz...* *Studia z dziejów kawalerii*. T. 3. Pod red. Aleksandra Smolińskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. pp. 67-112. [in Polish]
- [Wójcicki, 1856](#) – *Wójcicki K.W.* (1856). Archiwum domowe do dziejów i literatury krajowej z rękopisów i dzieł najrzadszych. Warszawa. 578 p. [in Polish]

Колющее длиннодревковое оружие крымских татар и ногаев 1440–1650-х гг. (по материалам письменных источников)

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Амет-хан Азизович Шейхумеров ^b,
Алексей Викторович Сальников ^c

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Таврическая академия Крымского федерального университета, Российская Федерация

^c Армавирский социально-психологический институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы материалы европейских, русских, османских и крымско-татарских письменных источников XV – середины XVII вв., содержащих сведения о длиннодревковом оружии крымских татар и ногаев. В латинских текстах оно фигурирует под названием «hasta», в английских – «lance», «horseman's staff», итальянских – «lanza», русских – «копье» и т.д. В произведениях польских авторов XVI – первой половины XVII вв. обычно употребляется термин «kopie», а позднее – «dzid». Установлено, что крымскими татарами использовались различные виды длиннодревкового оружия, предназначенного для ведения ближнего и дистанционного боя. Описание конструкции татарских копий в большинстве письменных источников отсутствует. Только Д. Флетчер обращает внимание читателя на схожесть татарских копий с рогатинами, «с которыми ходят на медведей».

В XV–XVI вв. в военном деле кочевников Восточной Европы произошли важные изменения, вызванные различными причинами как собственно военного, так и политического и экономического характера. По сравнению с военным искусством Золотой Орды XIV в. значение панцирников-копейщиков в боевой практике Крымского ханства XVI в. существенно снизилось. В результате многие современники даже не посчитали нужным включить копьё в перечень основного оружия крымских татар (П. Иовий, М. Бельский, А. Тарановский и др.), а некоторые даже прямо отрицали наличие длиннодревкового оружия у тюркских кочевников региона (С. Герберштейн, М. Литвин, Б. Вижинер). И хотя копьё продолжали применяться татарами на протяжении всего рассматриваемого периода, они имели весьма ограниченное (в отдельные периоды – незначительное) распространение. В целом, длиннодревковое оружие ближнего боя существенно уступало по популярности саадакам, саблям и, возможно, ударно-дробящему оружию.

Основными потребителями копий в войсках Крымского ханства XVI в. являлись состоятельные татарские воины, а также отдельные ополченцы. Данные о существовании в крымско-татарских войсках отрядов, целиком укомплектованных копейщиками, в письменных источниках отсутствуют. В настоящее время нет оснований полагать, что немногочисленные воины с копьями оказывали существенное влияние на тактику татарской конницы XVI в., основанной на сочетании маневренного боя с применением саадаков и сабель.

Некоторый рост значения копий в крымских войсках наблюдается в первой половине XVII в., однако данные изменения еще не носили по-настоящему масштабного характера и остались незамеченными многими современниками. Если в битвах под Берестечком (1651 г.) и Варшавой (1656 г.) татарско-ногайские копейщики обратили на себя внимание участников сражений, то в битве под Конотопом (1659 г.) они были практически не заметны.

Важные изменения в оружейном комплексе Крымского ханства фиксируются с начала 60-х гг. XVII в. Судя по материалам письменных источников, централизованная политика массового оснащения татар копьями в данный период была обусловлена необходимостью противодействия калмыцкой коннице, воины которой широко применяли колющее длиннодревковое оружие.

Ключевые слова: крымские татары, ногаи, оружие крымских татар, длиннодревковое оружие, татарские копьё.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров),

amet.sheikhumerov@mail.ru (А.А. Шейхумеров), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)